

Мастер

ПРОБЛЕМЫ

Мутангелы

Ая эН

Уровень Сампи

«РОСМЭН»

2018

УДК 821.161.1-312.9-93

ББК 84(2Рос=Рус)6

ЭН А.

Уровень Сампи / А. ЭН — «Росмэн», 2018 — (Мутангелы)

ISBN 978-5-353-08839-4

Автор, Ая ЭН, описывает очень странный мир может быть, это наша Земля, а может быть, один из ее клонов, один из параллельных миров. Все жители этой планеты – мутанты, развившие в себе удивительные сверхспособности. На всей Земле остался лишь один подросток-немутант. Он комплексует из-за того, что не может ни летать, ни проходить сквозь стены, но даже не догадывается о том, что от него может зависеть судьба всего мира. Каково это – быть обычным человеком среди расы суперсущестств? Каково это – быть мутантами на планете людей? И легко ли быть ангелом, которому нужно охранять и людей, и мутантов? Это седьмая, последняя книга фантастической саги «Мутангелы». Кажется, что здесь наконец развяжутся все узлы, распутаются все мутониты, пронизывающие семь Уровней романа. Но жизнь – особенно мутангельская – полна неожиданностей и сплошных вопросов. Найдут ли влюбленные свою вторую половинку, а братья – сестер? Хотят ли Варя, Лещца и Пипа, чтобы их нашли? Удастся ли игрокам благополучно завершить «Маленькие каникулы» и зажить долго и счастливо и пройдут ли на Уровень Сампи Дюшка и Риз? И не начнется ли с окончанием «Маленьких каникул» новая игра, еще более странная и захватывающая?

УДК 821.161.1-312.9-93

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-08839-4

© эН А., 2018
© Росмэн, 2018

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	29
Глава 5	35
Глава 6	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Ая эН

Уровень Сампи

Роман

© Ая эН, 2018

© ООО «РОСМЭН», 2018

*Каждое существо должно жить сколько захочет или даже вечно.
Вечно и, по возможности, счастливо.
Иначе – несправедливо.*

ВНИМАНИЕ!

Инструкции, данные между строк в этой книге, не представляют *ни малейшей опасности* для любого, кто является человеком, только человеком, и никем, кроме человека.

Всех остальных мутангелов, а особенно инфилоперов (даже если они не помнят, кто они такие, и считают себя обыкновенными людьми), Мебби Клейн просит при прочтении соблюдать все необходимые меры предосторожности. Помните, что человек отвечает только за свою жизнь, а мутангелы в ответе за все происходящее.

Везде далее: *Диди* = дополнительная информация для инфилоперов.

Глава 1

Хрустальная Элджи

Тихо-тихо, нежно-нежно падал снег на сверкающие под двумя солнышками деревья. Долетая до крон, снежинки превращались в льдинки и нарастали невообразимо прекрасными коронами над каждым деревом. А деревья – штук десять – окружали поляну в центре которой стояла Эля.

Это было чудо.

Это чудо устроил Ризи.

Это чудо происходило на Хрустальной планете Элджи – Ризи назвал планету так в честь двух самых близких и любимых девушек – Эли и Дженифер.

Хрустальная Элджи – населенная планета, но жителей там очень мало, и они совсем, совсем-совсем не похожи на нас. Да и сама планета не похожа ни на Землю-12, ни на многие другие планеты с развитыми цивилизациями, на которых мы, земляне-12, можем побывать. Она почти девственная. И она очень красивая. Ризи, заморозив ее для своей возлюбленной, довел эту красоту до совершенства. Он не был чутким мастером-живописцем, он... с чем бы сравнить? – он словно выбрал нужный фильтр для обработки фото или видео. Применил свои супермутантские способности. И теперь Элька, влюбленная и любимая взаимно, налетавшаяся над планетой, счастливая до самых краешков и через край, стояла посреди поляны и наблюдала за тем, как снег завершает церемонию коронации величественно-изящных деревьев. Ризенгри рядом с ней не было – вероятно, он находился за облаками, из которых шел снег.

Эля упала в снег, на спину, и стала смотреть вверх из этого положения. Так было удобнее, не приходилось задираť голову. Короны на деревьях нарастали, и скоро должны были создать хрустальный купол. Ризи попросил ее не взлетать, сказал, что потом с этим куполом произойдет нечто особенное. Элька лежала, наблюдала за строительством и улыбалась. Интересно, что он еще придумал?

«Какая же я была глупая, хотела даже умереть! – думала Элька. – Думала, что все всегда будет плохо, а все так хорошо...»

Внезапно снег перестал идти. Купол еще не был завершен, и Эля вначале решила, что дальше он будет строиться каким-то иным способом. Но прошло несколько минут, и ничего не происходило.

– Ризи... – тихонько позвала Эля.

Ответа не было.

Они были связаны несколькими мутониями, в том числе зеленой Пи, голубой Дельта и изумрудной Пси. С помощью этих нитей Эля почувствовала, что с Ризи что-то не так. Что он больше не занимается снегом, коронами деревьев и чудесами. Она насторожилась.

Диди. Напоминалка. Уровень Пи – умение испытывать сильные, глубокие и стойкие чувства и управлять ими. Уровень Дельта – умение испытывать то, что испытывает другой человек, другое существо, способность к глубокой эмпатии. Уровень Пси – умение работать в команде, быть психологическим асом.

Мутангелы отвечают за все происходящее.

В том числе и за действия ангелов.

Проблема заключается в том, что эти две стороны никак не могут встретиться и сесть за стол переговоров, причем по нескольким причинам. Одна из причин – этого не хотят ангелы, они не собираются идти навстречу никому, уверенные в своей правоте и в своем превосходстве.

– Это мы – самая агрессивная цивилизация?! О-о! – рассмеялся Спин. – Что за бред!

Эля услышала слова Спина, находясь на довольно далеком от него расстоянии. Слова эти прозвучали непосредственно в ее голове, минуя уши. Она поняла, что просто слышит то, что сейчас слышит Ризи.

– Вы вмешиваетесь во все, творите недопустимое, не спрашивая разрешения! Сколько планет вы контролируете? Втихую! Их жители даже не догадываются о вашем существовании! – Ризенгри еле сдерживался. – Достаточно того, что вы убили Землю-11!

Ответ Риза Эля услышала уже ушами – за это время она успела сориентироваться и подлететь поближе к месту встречи своего любимого с непрошеными гостями. Эля не умела летать сама, но использовала одну из опций игры, ведь она по-прежнему была одним из игроков «Маленьких каникул», одним из девяноста девяти оставшихся в живых и перешедших на второй уровень. С высоты Эля разглядела четыре фигурки: одна стояла против трех. Она спланировала к той из них, которая стояла в одиночестве. И стала рядом. На нее никто не обратил внимания.

– Еще раз повторяем, мы остановили ее мягко, никто не почувствовал ничего, даже не понял ничего! – качала головой Диана, в ее глазах читалась мягкая ангельская грусть. – Это был наилучший выход. Дальнейшее развитие цивилизации мутантов сулило беды вселенского масштаба. Мутанты уничтожили бы не только себя, но и многих других...

– Диана, хватит! Я сто раз слышал эту чушь! От Димы, от Рона, от Старка... Я не намерен слушать ее в сто первый раз. Вы, ангелы, уничтожили миллиарды мутантов в одно мгновение! Только на одной планете. И я не говорю уже о том, что вы творите на других планетах. А Фтопка? Это же адский ад! А Земля-4, земля Элины, с идиотскими сменами Дня и Ночи? Уму непостижимо, как они там все не свихнулись до сих пор. А Земля-75, земля Мамаша Мумуша, наполненная людьми-идиотами? Вы делаете им «уколы мудрости» вместо того, чтобы подправить гены, – открыто, всем, кто захочет... А Земля-12, с жителями, не подозревающими о том, что вы полностью контролируете их подсознание, а значит, принятие любого решения – либо-го? Да еще и вбили им в головы, что всех их ждет вечная жизнь после смерти, бессмертная душа и прочие глупости!

– Почему глупости? Душа действительно есть, не у всех землян-12, но у мно...

– Душа? – перебил Диану Ризи. – Душа? Ха! Не душа, а Д. У. Ш. А. – Дубликат Уникальности и Шанс Авторизации – всего-то жалкая копия, а не личность! Давайте я вас скопирую? А оригиналы в гробы сложу и закопаю. Не хотите? Отчего ж вдруг?... Вас никто не просит вмешиваться, но вы вытворяете что хотите!

– Ох, до чего беспредметный разговор, – устало сказал Лан. – А вы разве нет? Да, в жизнь людей вы не вмешиваетесь – я так полагаю, что просто не можете, кишка тонка. А то бы лезли не менее нашего. Но оставим в покое людей. Мутангелы сделали так, что мы, ангелы, стали исчезать пачками, десятками и сотнями. И, как только что выяснилось, мы попадали к вам, на брану, на этот ваш Уровень Пи, превращались там в кукол, а затем... затем вы спокойно рубили нам головы, после чего уничтожали полностью. Это ведь так?

– Это совсем не так! – крикнула Элина. – Да, они были куклами и участвовали в игре. Но все ваши ангелы живы! Все до единого!

«Стоп! – мысленно попросил Эльку Ризи. – Пока не рассказывай им о том, как работает испепелятор!»

«Ладно...» – согласилась Эля.

Диди. Как работает испепелятор, которым пользовались Дюшка Ключикин, Индис Каджрис и другие мусорики? Чтобы понять это, следует вспомнить о том, что ангелы – существа, которые могут находиться в трех разных состояниях.

Плотное – молекулы, атомы, электроны с протонами, медленный обмен информацией.

Тонкое – глюоновые сети с ячейками, быстрый обмен информацией. Сверхтонкое – натсы, миксоны и так называемые вневременные каналы (то есть не обмен информацией, а как бы общее инфополе).

Если проводить очень поверхностную аналогию – это как три состояния вещества: твердое, жидкое и газообразное.

Однако есть еще и четвертое состояние – плазма. И не такое уж оно редкое, в природе навалом плазмы, все звезды из нее состоят.

У ангелов также существует четвертое состояние. Они не могут сами переходить в это состояние, но оно их не убивает, а позволяет преодолеть брану. Ангелы не могут находиться на самой бране, то есть на Уровне Пи. Но они могут спокойно существовать по ту сторону браны.

Испепелятор осуществляет переход ангелов в четвертое состояние и провоцирует переход за брану. При переходе от каждого ангела по эту сторону браны остается лишь горстка пепла – та часть, которая не может быть перемещена. Она не затрагивает личность ангела – как если бы у вас при переходе «терялись» отросшие ногти или волосы.

Тут есть важный момент. Почему Дюшке и Киру не сообщили о том, как работает испепелятор? Потому что они оба еще не стали мутангелами полностью. Это знание помешало бы им. Почему же Ризи и Эля знали? Хым. Потому что Ризи был и остался супермутантом, способным на все. А Эля – потому что теперь они с Ризенгри были одним целым, Мебби Клейном, хоть и не «на полную катушку».

Итак, они стояли на Хрустальной планете, на которой проходил второй этап игры «Маленькие каникулы». Элина Нарциссова и Ризенгри Шортэндлонг напротив трех ангелов-экспертов – Лана, Спина и Дианы. Ангелы находились в плотных телах. Ризи сжимал в руке обнаженный элифианский меч – его любимое оружие. Трудно доказать кому бы то ни было, что ты – воплощение справедливости, когда у тебя в руке меч.

Кроме того, на Хрустальной находились еще два бывших ангела: Дима Чахлык и Черный Монах. Они были в замороженном, «хрустальном» состоянии, но именно от них Лан, Спин и Диана узнали о том, что произошло.

– Мы, как ты говоришь, убили твою планету, – сказал Спин. – Но ты убил эту. Чем же ты лучше? Чем мутангелы лучше ангелов?

– Вы убили, – согласился Ризи. – Но я – нет. Я заморозил тут все временно ради любимой. Совсем скоро все вернется в обычное состояние, никто не пострадает.

– Ради любимой? – Три ангела-эксперта многозначительно переглянулись. – Но ты мутант. Мутанты не умеют любить.

– Он уже умеет... – улыбнулась Эля.

– Давайте я покажу вам Мебиклейн, – сказал Риз. – Это сердце Пи. Дима вряд ли мог вам его показать, он его не видел толком. Насколько я понимаю, Черный Монах – тоже.

В пространстве развернулись изображения Мебиклейна. Слои накладывались друг на друга, каждый слой был трехмерным. Элиному восприятию это немного мешало, она не успела привыкнуть к такого рода штучкам. Но Спин, Лан и Диана смотрели безо всякого напряжения.

Ризи показал несколько зданий изнутри, дал возможность войти и пройти по магазинам типа Ромоффили, продемонстрировал Парк Драконов. Эля обратила внимание на то, что беоны Ризи обошел стороной, а вот на стеосе сделал акцент. Это был не стеос Куаси, с которого начала свое знакомство с Мебиклейном Ниоко, а другой стеос, жителя Земли-12, ребенка, умирающего в больнице от болезни бабочки.

Диди. *Эта болезнь в официальной медицине называется буллезный эпидермолиз. Кожа слезает хлопьями, раны не заживают – вообще, совсем никогда не заживают, а обезболивающие препараты практически не действуют.*

– Что это? – ужаснулась Диана. – Что это?! Это у вас там?

– Оу, это всего лишь воспоминание, – ответил Ризи. – Воспоминание, в которое можно окунуться, почувствовать себя в чужой шкуре – в прямом смысле этого слова! Правда, в данном случае шкуры, как таковой, уже нет. Этот мальчик... Ему семь лет и три месяца. Он жил на Земле-12. Вы можете видеть над его ложем двух ангелов. Сейчас они оба на месте, хотя обычно чередовались. К сожалению, умирающий с рождения мальчик вел себя недостаточно... недостаточно достойно, чтобы после смерти стать ангелом... Поэтому все, на что он мог рассчитывать, это сохранение копии себя в виде Д. У. Впрочем, его мама до конца своих дней была уверена в том, что вы забрали его к себе.

Изображения исчезли. Пять фигур – три напротив двух – стояли на заиндевевшем склоне в полной тишине, в белом свете, в остром воздухе, в лимонной боли.

– Рано или поздно на Земле-12 научатся лечить эту болезнь, – произнесла Диана. – Это неправильно, давать людям сразу все! Разве вы, мутангелы, считаете иначе?

– Вы правы, – кивнул Ризи. – Впрочем, я не уполномочен отвечать за всех мутангелов. Кроме того, я, приняв участие в игре и перебив много тысяч игроков, больше не могу считать себя мутангелом.

– Но значит...

– Значит, вы уроды, а мы нет.

– ???

– Я убивал игроков – тех, кто по доброй воле, в трезвом уме и здравой памяти подписались на то, что будут убивать сами и могут быть убиты в ответ, тех, кто, строго говоря, никогда и не был полноценным мутангелом, но попал на Пи и был адаптирован для жизни там. Я не врал умирающим мальчикам и их мамам.

– Главное – это хотя бы не врать! – поддержала его Эля. – Если вы готовы дать шанс, то не жалкий «шанс авторизации», который вообще ни о чем, а настоящий шанс! Почему бы не показаться тому мальчику и не сказать прямым текстом: «Малыш, надо сделать то-то и то-то, тогда станешь ангелом...» Или ну хоть немного по-человечески! Но не так же, как в этом воспоминании!

Ангелы-эксперты опять переглянулись. Ризи увидел, как они – все трое – на мгновение перешли в сверхтонкое состояние, что-то решили и нырнули обратно в свои тела.

Эля этого не заметила.

– Итак, я могу... стать мутангелом? – спросил Лан, когда они вернулись в свои тела.

– Вы можете попробовать, – ответил Ризи. – Пока что ни один ангел не попадал на Пи иначе, чем в виде куклы. Но ситуация изменилась. Теперь любой человек или не человек может стать мутангелом. Путь далек и для некоторых бесконечен. Он предполагает достижения семи уровней: Пи, Дельта, Фи, Альфа, Дзета, Пси и Сампи. Его невозможно пройти в одиночку, на определенном этапе вам понадобится тот, с кем вы станете Мебби Клейном... Одним словом, гарантии вам никто не даст, но вы можете попробовать. Игра еще не началась, но карты у меня есть.

«Какие карты! Ризи?» – мысленно спросила Эля.

И ответ-мысль немедленно возникла у нее в голове. Квадратные, колода из 36 штук, половинки рисунков, всего 72 рисунка. Затем ответ-мысль превратилась в ответ-картинку, а все карты сложились единым квадратом, шесть на шесть, и рисунки-половинки соединились – все, кроме тех, которые находились по краям. У рисунков было много общего с изображениями

на колоде, которую Эля и Ния видели у Мадлены, но все-таки это были совсем, совсем другие карты.

Ризенгри сунул руку в дополнительное измерение и извлек из него карты. Со стороны это выглядело так, словно его правая кисть вдруг распалась на черные сопленики и тут же собралась вновь, но уже с картами в руках. Ризи раскрыл карты веером:

– Попробуете?

– Нет, – твердо сказала Диана.

– Наверное, имеет смысл, ведь это новый опыт... – Спин смотрел на карты скорее с интересом, нежели с опаской.

Ангелы-эксперты столь уверены в своем абсолютном превосходстве над всеми остальными, что перестают опасаться чего бы то ни было. Спин продолжил:

– Можем мы получить полную и, желательно, правдивую информацию о том, что это за карты, что за уровни, что будет, если...

Вместо ответа Ризи пульнул в воздух тремя инфо-шариками, по одному на каждого эксперта. Все трое поймали. Диана – взглядом, Спин – превратившись в вихрь, Лан – неведомо как, Эля не успела заметить. Это были не совсем такие шарики, какие используют ангелы, – такие Ризенгри делать не умел, поскольку не был ангелом, а сотворить полноценный инфошар можно, только пребывая в тонком состоянии. Это была простая текстовая запись информации, сопровождаемая обычными картинками и обычными видео с одного ракурса.

На чтение всей информации у всех троих не ушло и секунды. Кажется, они даже успели опять перейти в свертонное, обменяться мнениями и вернуться. «Все-таки ангелы очень круты!» – подумала Эля.

– Я – нет, – повторила Диана.

– Я – нет, – сказал Спин.

– Я... – сказал Лан. – Я хочу задать вопрос.

Ризи кивнул.

– Мы считаем, и, я полагаю, ты с этим не можешь не согласиться, что эпидемию ангелов запустил именно ты.

Эля готова была броситься возражать, но они с Ризи были Мебби Клейном, и вторая половина ее существа (Ризи) сохраняла полнейшее спокойствие, так что Элька промолчала.

– Мы спасли тебя по просьбе Джен. Джен ушла в Океан, Старк нырнул за ней, они распались, а вы с Дюшкой попали на Пи, – продолжил Лан. – И после этого все началось. Верно?

– После – да, – согласился Ризи. – Но «после» не значит «из-за». Постоянная Шланка становилась переменной и раньше. Собственно, этот процесс запускается периодически и на этот раз был связан с переходом на Пи Лещици, Лещици Мымбе, а не нас с Дюшкой. Но и она ни при чем. Не была бы она, был бы кто-то другой. Разные люди и не только люди в разные времена и на разных планетах не выдерживают. Они настолько против существующего порядка вещей и настолько готовы жить подругому, что становятся мутангелами и попадают на Пи. Так всегда было. И однажды один из таких переходов становится критическим. Вот тогда-то постоянные становятся переменными, пространство «дырявым», а ангелы начинают пропадать пачками. Сейчас нам удалось стабилизировать ситуацию. И она будет стабильна и дальше, если мы будем давать возможность стать мутангелами всем, кто хочет и может.

Лан и все остальные молчали, поэтому Риз продолжил:

– Захотят, конечно, многие. Но даже один уровень пройти смогут далеко не все. Но это будет честное предложение, честная игра.

Он умолк. Некоторое время все молчали. Затем Лан сказал:

– Еще вопрос. Когда ты был на Земле-11, в школе для особо одаренных... Однажды над твоей головой возникла аура сочувствия. По такому свечению мы, ангелы, обычно четко

определяем, чистый перед нами человек или сволочь, эгоист или альтруист и так далее. Но в нашем случае это была мимикрия и...

– Ха-ха! Мимикрия! – Ризи рассмеялся. – Ну вы даёте, суперразвитая цивилизация! То, что Джен, Рон и Дима видели над моей головой в тот день, то, что вы видели над Дюшкой и вокруг других людей, – это отсвет! Отсвет мутонитей! Мутонити можно... да что угодно можно с их помощью сделать, как минимум – развернуть пространство, дополнительные измерения в смысле... Смотрите! Смотрите...

Ризи поднял руки. Элька немедленно поняла-почувствовала, что он собирается делать, и встала рядом, спиной к спине, чтобы картинка получилась более красивой и полной. И тоже подняла руки.

Когда воздух засиял изумрудным, когда четыре мутонити, Пи и Пси, развернулись до самого горизонта и поглотили его, эксперт Лан сказал:

– Да. Да. Да, я согласен.

Не опуская рук, не убирая изумрудного сияния, Ризи выбросил из колоды карт «Мебиклейн» одну карту, отправив ее по плавной дугообразной траектории в сторону Лана.

На карте, которая досталась Лану, были половинки четырех картинок:

– сам Лан, лицо, тройка, зеленые бубны;

– ангел-младенец, играющий лучистым трискелионом, двойка роги;

– сердце в огненном вихре, туз червы;

– рука с мутангельским браслетом и хамелеон на шампуре, нижняя часть карты бармена Сэмма, восьмерка пики.

Лан рассмотрел на карту, а затем поинтересовался:

– Вернуть?

– Без разницы, – пожал плечами Ризи. – Главное – она теперь ваша. Это навсегда.

В воздухе опять повисла тишина. Сияние мутонитей медленно гасло, дополнительные измерения сворачивались, возвращаясь в обычное состояние.

«И что теперь?» – спросила Элина.

«Посмотрим, попросит ли он у меня всю колоду!»

Но Лан не попросил. Три эксперта попрощались: Диана – величественным кивком головы, Спин – приветственным взмахом обеих рук (манера жителей Земли-14). А Лан просто сказал:

– До свидания. – А потом добавил: – Спасибо за предоставленную возможность попробовать стать одним из вас.

Затем они покинули Хрустальную Элджи. И тоже у каждого нашелся свой способ. Диана взлетела. Спин превратился в вихрь. Лан рассеялся.

Ризи обнял Элю и прижал к себе:

– Эй, ты совсем замерзла!

– Я от страха!

– Хи.

– Ризи, а что теперь? – Элька дрожала.

Ризенгри сперва хотел предложить продолжить строительство ледяного купола и прочую романтику, но заглянул в Элькины мысли и отмел эту идею. Элька думала о том мальчике из стеоса, умирающего, без кожи.

– Теперь мы проверим, все ли игроки перешли на второй уровень, я тихонько убью всех и перенесу их на Ржавую. Там у них есть шанс быть спасенными, ведь мусорщики еще работают, а Индис Каджрис супермутант, как и я. Особенно аккуратно надо перенести... ну ты увидишь кого.

Элька и так поняла кого: Нию и Тафика, которых захватил Черный Монах. Сейчас все они втроем были в огромном хрустальном кубике – Ризи уверял, что с ними все порядке.

– Одобряешь такой план?

Элька шмыгнула носом и кивнула. Она сейчас была замерзшая, расстроенная и немного напуганная. И потому совсем некрасивая. Но Ризи этого не замечал.

– Затем я разморожу Элджи и проверю, все ли тут в порядке.

Эля опять кивнула.

– Затем мы с тобой наденем браслеты и перейдем на следующий уровень. Но сначала посетим одно местечко, кото...

– Браслеты? Мутангельские, с подвесками? – удивилась Эля. – Зачем? Это же просто украшение, артефакт!

Ризи не ответил. Эля заглянула в его мысли, но они были спутанные (те, которые касались браслетов). И Эля так и не смогла понять, для чего им могут понадобиться обычные украшения.

– Прежде всего мне надо разобраться с Питоном, Призраком, Черным Монахом и всей их командой, – заявил Ризи, переводя разговор с браслетиков на игру. – Там странная штука произошла.

– Какая же?

Они уже взлетели, взявшись за руки.

– Понимаешь, я точно помню, что убил Призрака. Все его баллы перешли мне. Но он каким-то образом попал на второй уровень и находится в списке живых.

Они летели над снежно-ледяными просторами к снежно-ледяным кубам с застывшими игроками, перешедшими на новый уровень и угодившими в ловушку Ризи.

Раз, два, три, десять, пятьдесят, девяносто семь.

– Все тут! – Ризенгри еще раз сверился со списком. – Начнем с Призрака. Видишь его?

Элька видела. Увидела и рассмеялась.

– Ты чего?

– Так это же девчонка!

– Как девчонка?!

– Призрак, но девушка!

Стали разбираться. И выяснили. Призраков было два. Брат и сестра, близнецы. Брат летал и убивал, сестра сидела тихо-тихо. А баллы брата они делили пополам.

– Наверное, она тоже в него пуляла из рогатко-револьвера или расстреливала в упор из бластера, как я тебя! – предположила Элина.

– Наверное. Нет, ну фух ты ж! Близнецы! – Ризи в восхищении рассматривал Призрака-сестру. – Нет, этих молодцов точно надо спасти! Хотя братишка мне не по нраву, прямо скажем. Явно по ошибке на Пи попал!

– Мы все – по ошибке... – вздохнула Элька.

Она хотела порассуждать на эту тему, но Ризи было не до рассуждений. Он методично, одного за другим, размораживал игроков. И, не дожидаясь полной разморозки, орудовал любимым элифианским мечом. Затем, прежде чем приступить к следующему игроку, упаковывал только что убитого.

Вскоре их осталось шестеро: живые и невредимые Ризенгри Шортэндлонг и Элина Нарциссова и застывшие во льду Дима Чахлык – в одном кубе и Черный Монах с Нией и Тафиком – во втором.

– Так, теперь я попробую аккуратно убить Монаха и освободить Нию с Тафом.

– Чем помочь?

– Не мешать!

Ризи привычным движением ладони, точно, как он делал с другими кубами, стал размораживать Черного Монаха. Разморозил верх куба – голова врага торчала из льда шаром, а Ниоко и Тафанаил все еще оставались в замороженном состоянии, они были ниже. Ризен-

гри, как и в прошлые разы, не стал дожидаться разморозки и лихо отсек голову элифианским мечом. Голова откатилась. Монах был мертв. Ризи сверился со счетчиком баллов на браслете:

– Ему конец. Все в порядке!

– Не-е-ет!!! Не в порядке!!! – завопила Эля. – Смотри! Ния и Таф исчезают!

Да – они исчезали прямо на глазах, прямо из ледяного куба.

Ризи, не раздумывая, нырнул в куб.

И вскоре они исчезли вместе.

Эля была в шоке. Она смотрела на «мячик» – отрубленная голова продолжала катиться по снегу, и снег не прилипал к ней – и думала о том, что это конец не Черному Монаху, а вообще всему на свете.

Ризи вернулся спустя примерно десять минут.

– Они живы, – сообщил он. – Они на Земле-12, там будет проходить завершающий этап игры. Но я не знаю, где именно они на этой планете, поскольку они больше не являются игроками. Это была хорошая новость.

– А плохая?

– Ния вряд ли вспомнит свое прошлое. Когда мироздание стирает вас, оно стирает и вашу память – так записано в Правилах. Но давай пока не думать о плохом, а займемся делами, да?

Элька кивнула. Она не очень расстроилась, она была уверена, что главное – выжить. А уж память мутангелы восстановить смогут!

– Отлично. Тогда я сделаю десяток-другой рейсов на Ржавую, а ты тут не скучай пока! – сказал Ризи Эльке и подмигнул Диме. – Ну что, еще поиграем?

Глава 2

Напарники

– Просыпайся!

Тушка под толстыми слоями трех одеял даже не пошевелилась.

– Просыпайся, ну-у-у!!!

На этот раз Кир сопроводил свой вопль хорошим тычком, но одеяла самортизировали, смягчили удар, и Дюшка его едва почувствовал. Мыкнул-хмыкнул во сне – и все.

– Урод! Урод бесчувственный!

Кирилл скривился. Дюшку при всем желании нельзя было назвать уродом, и Кир в общем-то понимал, почему Ния выбрала его соперника. Дюшка был, может, не очень красивый, но весь «свой»: мягкий, внимательный, такой, который точно свои интересы поставит на второе место, а своей девушки – на первое. «Но ведь я тоже такой!» – подумал Кир и инстинктивно бросил взгляд на свое отражение. Отражение подтверждало: такой! И вообще – просто принц из сказки.

Но сейчас все это не имело никакого значения.

– Вставай!!!

Клюшкин не пошевелился. Кир присмотрелся, понял, в чем дело, стащил с напарника наушники.

– Про! Сы! Пайся!!!

– А? Что такое? – Дюшка открыл глаза, поморгал, поозирался и осоловело уставился на часы.

Часы шли и показывали глубокую ночь. Было довольно тихо и темно. Все на Базе спали: и выжившие игроки, и выжившие мусорщики. Возможно, где-то на Ржавой и продолжались бои, ведь игра не прекращается с наступлением ночи. Но до комнаты, в которой отдыхали Кирилл и Андрей, не доносились звуки схваток. Если что-то и происходило, это было далеко отсюда.

Диди. База на Ржавой была не похожа на дом, а больше напоминала спрута или клетку мозга с многочисленными длинными отростками. Комнаты же на Базе больше всего напоминали приплюснутые яйца, лежащие на боку. Пол в яйцах был плоским. Окон не было, однако вся поверхность стено-потолка могла стать прозрачной «в одну сторону», так, чтобы тем, кто внутри, было видно, что происходит снаружи, но не наоборот. Постройки такого рода очень удобны и, на взгляд многих, более логичны, чем наши дома на Земле-12. Впрочем, о вкусах не спорят.

– Ты чего? – Дюшка перевел взгляд с часов на Кирилла. – Мы же договорились, за работу беремся утром, по сигналу Индиса.

Индис формально не был начальником отряда мусорщиков. Но он был супермутантом и в создавшихся сложных условиях взял руководство на себя. Он еще вчера вечером оценил масштабы бедствия, помог всем оставшимся в живых товарищам добраться до Базы, а затем занялся заморозкой убитых. Чтобы потом, в спокойном состоянии, остальные смогли бы справиться с таким количеством тел. Дюшка уснул не сном младенца, но почти успокоившись, предварительно выяснив, что Ния, Эля, Ризи и Тафик вырвались по очкам далеко вперед и что им ничего ужасного не угрожает – по крайней мере, до утра. Но самой радостной и обнадеживающей новостью оказалось известие о том, что тяжело раненному доктору Ди (Диолину Мэдилину Первому) удалось благополучно вернуться на Пи, причем не одному, а захватив с собой одного погибшего игрока. Теперь над обоими вернувшимися «колдовали» врачи самой

крупной клиники Мебиклейна и обоих обещали поставить на ноги. Дюшка понял, что у него есть шанс. Если Нию убьют аккуратно, не повредив мозг, ее можно будет доставить на Пи и восстановить. И она будет – она, живая и настоящая, а не какая-то там инграмма. Кир с ним целиком и полностью согласился. В общем, вчера ночью Ключкин уснул почти спокойно. Хым... Какое там вчера?! Ему не дали и трех часов поспать!

– Ния на втором уровне.

Дюшкины брови взлетели вверх.

– На Базе есть второй уровень? Внизу, что ли?

– В игре есть второй уровень! – Кир еле сдержался, чтобы не добавить к своим словам «идиот», «дубина» или что похлеще.

– Но... Зачем? Зачем она... – Дюшка застонал и схватился за голову.

А потом выругался.

Кир тоже решил себя больше не сдерживать.

– Как мы ее оттуда достанем? – пробормотал Дюшка.

– Боюсь, что никак, – ответил Кирилл. – Все еще хуже. Дело в том, что она и Тафик совершили переход не по правилам, то есть не санкционированно. И теперь не считаются игроками.

– Что-о??? Как?! Нет-нет-нет. Нет. Суслик!.. И что теперь будет?

На последний вопрос ответа Андрею не потребовалось. Информация обнаружилась в его встроенной дополнительной памяти. При несанкционированном переходе на новый уровень (с помощью каких бы ухищрений он ни был произведен) игроки переставали учитываться игрой. И вот тут наступал очень интересный момент. И касался он самой сути игры, того, как она была устроена, как взаимосвязана с пространством. Если не вникать в подробности, а сказать кратко, то: игроки, нарушившие правило перехода, переставали учитываться пространством.

– Вот это я не совсем понимаю, – пробормотал Дюшка. – Как могут живые существа, да хоть бы и не живые, хоть предметы, хоть что, – как могут переставать учитываться пространством?! Они же есть!!!

Кир пожал плечами. Он хоть и занимался какое-то время в беоне Фи под руководством опытного мутангелаинфилопера, успел изучить не так уж много, а в теории был совсем не силен.

Диди. Никогда не воспринимайте игру «Маленькие каникулы» как просто игру. Правила ее только отчасти пишутся людьми и мутангелами, но в основном продиктованы свойствами пространства и мироздания. И если пространство и мироздание решают игнорировать игроков, нарушивших правила, или вовсе исключить таких самозванцев, это... Это надо принимать как факт.

Дюшка, не вылезая из-под одеял полностью, а высунув одну только левую руку, мысленно приказал развернуться в воздухе экрану с результатами игры.

– Обновление минутной давности! – объявил милый голосок.

Голос был похож на Элькин. «Хорошо, что не на Ниин!» – мимоходом подумал Дюшка.

На второй уровень игры перешли:

– супермутант Ризенгри Шортэндлонг (валет роги)

– человек Элина Нарциссова (карта полной неизвестности)

– ангел Черный Монах (тройка пик)

Вне игры были объявлены:

– частичный мутангел Ниоко Нири (леди червы)

– котенок Тафанаил (шут)

Список убитых был огромен, Дюшка немедленно его отключил.

Список выживших и находящихся на первом уровне игры был менее внушителен, за ночь он значительно сократился.

– Всего сорок восемь игроков! – пробормотал Дюшка.

– И среди них – твой ангел! – заметил Кир.

– Мм... Да...

Дима Чахлык занимал четырнадцатую строчку и был единственным живым ангелом на Ржавой.

– Что будем делать? – спросил Кир. – Надо что-то делать! Надо что-то делать!

Дюшка вылез из-под одеял целиком, щелчком пальцев переправил экран на пол.

– Часы, – сказал Дюшка, – нам понадобятся часы, много. И надо сообщить Индису о том, что мы уходим.

– Куда уходим? – не понял Кир, но тут же сообразил. – За Нией? На второй уровень?

Дюшка не ответил и даже не кивнул – он стоял возле стойки с едой и большими глотками пил оставшийся с ночи холодный пог. Черные струйки пога стекали по его подбородку и увлажняли термолку – что-то среднее между майкой и футболкой, с рукавом до локтя – универсальное нижнее белье мусорщиков, из ткани, обладающей свойством поддерживать температуру тела в оптимальном состоянии.

«На кой суслик ему было укрываться тремя одеялами, если он улегся спать в термолке?! – подумал Кирилл. – Нет, он точно псих!»

– Не знаю! – ответил Дюшка, когда кувшин опустел. – Нам надо попробовать. Она больше не игрок. Они с Тафом вне пространства игры, значит, могут не быть на втором.

– Последняя информация о Ние – она совершила переход на второй уровень! – возразил Кирилл, делая ударение на слове «совершила».

– Вот мы и попробуем...

– Но как?! Мы не можем! Мы не знаем как. Мы же...

– По следу. Ния не могла не оставить след, нить, хоть одну. Тафик – обычный котенок, но Ния – мутангел. Мы пройдем.

– Я не умею этого делать, – покачал головой Кир.

– Я тоже не умею. Но попробую. Во всяком случае, я прошел на Пи по следу Лещи.

– Так это на Пи! А в обратную сторону все не так! С уровня Пи, с браны, нельзя выйти! Это мне в беоне на первом же уроке объяснили!

– Мне плевать, что там тебе объясняли!

– Думаешь, ты круче других? Думаешь, сможешь то, что не смог никто? Покопайся в памяти – с Пи только один выход, в игре, став игроком!

– Сам знаю! Не дурак.

– И-и-и?

– Что «и-и-и»? Ржавая – это уже не Пи. Мы фактически вышли.

– Мы не вышли, идиот!!! Мы на привязи! Мы – как подводники-водолазы!

– Как кто-о?

Дюшка плеснул себе на лицо холодной воды из широкого стакана (на Базе были распространены такие посудины – что-то среднее между пиалами и стаканами), вода стекла на грудь, смыв струйки пога, термолка намокла еще сильнее.

– Как шлангированные водолазы.

– Какие? Кто? Все равно не понял! – покачал головой Дюшка.

На Земле-11 были люди, профессии которых были связаны с погружением под воду и работой на дне. Для таких работ отбирали мутантов с жабрами. Были даже целые династии. Если у мутанта не было способности дышать в воде, он мог воспользоваться аквалангом. Но что значит «на привязи», Дюшка не понял.

Диди. *Земля-13, земля Кира, очень похожа на нашу Землю-12. На ней также нет мутантов. То есть мутации, конечно, есть (куда без них!), но не такие, чтобы приводили к вырастающим жабрам, корешкам или дополнительным парам отлично функционирующих рук.*

На Земле-13 нет аквалангов. Если требуется опустить человека под воду, его «держат на привязи» – на тросе, а дышит он с помощью специального иланга.

– Давай так! Так быстрее! – Дюшка развернулся в сторону Кира, раскрыл ладони. – А то мы сто тысяч слов потратим, чтобы друг друга понять.

Кирилл смотрел на мутонити, летящие в его сторону из ладоней напарника, и медлил. Потом решился и протянул навстречу разноцветным лучам свои ладони. И как только их нити сплелись, Дюшка понял, почему Кир медлил: он дико боялся; волны страха обдавали его с макушки до пят и с пят до макушки.

Кирилл боялся всего одновременно: и погибнуть, и потерять свои мутангельские способности, и никогда не вернуться на Пи. Что касается Нии, Кир как бы и не опасался ее потерять, потому что... считал ее уже потерявшейся и пропавшей навсегда. Впрочем, его сознание еще не успело переварить эту новость, облечь в слова и смириться. Возможно, этому мешал животный страх, нежелание сигать в неведомое и пропадать там почем зря. Однако, если только кто-нибудь сказал бы Киру наверняка, на сто процентов, что Ния жива или почти жива, что они могут ее спасти и так далее, – тогда бы он, конечно, немедленно, не раздумывая...

Кирилл считал себя молодцом и героем, достойным всяческого уважения. Но одновременно – слабаком, и презирал себя за это. И одновременно, изо всех сил желал скрыть истинное положение дел от Ключки.

Но если ты стал Мебби Клейном, хоть и не на полную катушку, если переплелся кучей ниточек, – как скрыть правду? Кириллу пришлось смириться.

Диди. *Не следует думать, что в состоянии Мебби Клейн вы сразу и полностью погружаетесь в другого человека. Это не так. Вы можете полностью считывать состояние «новой части себя» и при определенной сноровке (а иногда и спонтанно) становитесь обладателем «чужих» (но теперь уже и ваших) знаний. Однако вы не начинаете знать все, о чем знает и в принципе помнит ваша новая половинка. Потому что память каждого индивидуума слишком велика и работает по принципу: пока к ней не обратишься, ее для тебя как бы нет.*

В свою очередь, когда их нити сплелись, и они стали Мебби Клейном, Кир взаимно считал состояние Дюшки и поразился тому, что на него обрушилось. Дюшку несколько не волновало, выживет он или нет, вернется на Пи или нет и так далее. Он не сомневался в том, что они с Киrom (да, именно так – они вместе, а не он один) должны немедленно что-то делать, вот только рассчитать, как правильнее, – и вперед, за Нией. При этом нельзя было сказать, что он ослеплен любовью, не соображает, что делает, и-или находится в шоке. Нет, ничего подобного. Кирилл очень четко чувствовал это: мысли Андрея Ключкина были наполнены и Нией, и Тафиком, и Ризи, и Элей; и тысячами убитых ангелов; и миллионами мутангелов, которые вышли с Пи, чтобы помочь игрокам и тем, кто заблудился в пространствах, не став мутангелом и не имея возможности ни вернуться назад, ни добраться до уровня Пи. Мыслей у Дюшки было много, они были хаотичны, но в этом хаосе прослеживались структура и направленность (так самый заросший живой лес отличается от бессмысленной мусорной свалки). Такое ощущение попадания «в лес» было уже знакомо Киру: живым лесом был его мастер в беоне Фи.

– Тот, который много раз бывал за браной? – уточнил Дюшка.

Кирилл вспыхнул:

– Да. Я о нем сейчас подумал.

Клюшкин равнодушно кивнул:

– Понятно... Только ты зря считаешь, что раз у меня в башке тоже лес, то я мутангел, а ты нет.

Объясняя (вслух, хотя можно было бы не напрягать голосовые связки), почему они оба – мутангелы, Дюшка налил себе еще пога и развернул пару экранов компа так, чтобы им вдвоем было удобнее смотреть и искать. Хотя они и являлись теперь одним существом, это одно существо обладало прекрасной способностью владеть двумя раздельными телами и двумя раздельными парами глаз.

– Итак, предлагаю вот что! – сказал Дюшка. – Первое. Проверяем камеры всех мусорщиков. Второе. Все стационарные камеры Ржавой, чтобы точно узнать, из какой точки, в какой момент и как именно Ния и Тафик ушли отсюда. Третье... Продолжать вслух?

– Продолжай. Ради определенности. А то у тебя столько мыслей, что суслик поймешь, что там на первое, что на второе, а что – на десерт.

Дюшка кивнул:

– Хорошо. Третье. Отправиться в точку, откуда Ния и Таф перешли, и поискать там мутослед или мутонить. И по нему – за ней.

– Ты забываешь о том, что с началом игры – и выйдя с Уровня Пи – Ния, как и остальные игроки, перестала быть мутангелом. Она не могла оставить след. Тем более – мутонить.

– Все равно надо проверить.

– Хорошо. Тогда летим сюда! – Кир ткнул пальцем в какую-то точку на карте.

Оказывается, найти местоположение Нии и Тафика, последнюю точку их пребывания на Ржавой, не составило никакого труда. «Можно было и одним экраном обойтись!» – подумал Кир. «Чтоб у нас и дальше все получалось так же быстро и четко!» – подумал Дюшка.

Но дальше быстро и четко получилось разве что долететь до нужной точки, воспользовавшись реактивными ранцами, которые в избытке хранились на Базе. У Дюшки не было опыта полетов с помощью подобных гаджетов, но с помощью Кира он кое-как справился.

– Ты очень даже неплохо справился, – уверил его Кир, когда они прибыли. – Я во время первого полета...

– Так я только с ранцами не летал, а так – очень даже! – перебил его Дюшка. – Пока у ангелов жил, превращался с помощью установки Альфа в разных птиц. Потом в одной из восстановленных реальностей, с Ризи, – это когда на время стал как бы тоже супермутантом и отрастил себе крылья. Потом на Элькиной Земле-4, когда...

Перечисляя, он мысленно рисовал картинки прошлого. Особенно отчетливо – как он был супермутантом.

– Ха-ха-ой-ха-ха! Ой, не могу, сейчас умру от смеха! Одно крыло – как у летучей мыши, второе – как у орла! Все, я труп! – Кир смеялся, аж за живот держался. – Ну ты даешь!

Дюшка тоже улыбнулся. А потом вспомнил, как они с Бесом долетели до дома, и как он прочел мамины мысли, и как впервые осознал, что она его не любит и никогда не любила, ну разве что самую капельку и...

– А почему ты называешь Ризи Бесом? – посерьезнел Кирилл.

– У него фамилия была Бесов. Как его по-настоящему зовут, я не сразу узнал...

– А...

– Для меня и Ния иногда Ния, а иногда Варя, – признался Дюшка. – Варька Воронина. С клювом. Мне все равно, как ее зовут и какой нос у нее, или клюв, или...

– Мне тоже.

Они стали искать оставленный Нией мутослед. Но ничего не было. Совсем ничего. И как выходить с этой Ржавой хоть на второй уровень, хоть куда, было совершенно непонятно.

Бурая дорога прямой стрелой уходила к бурым горам на горизонте. Выцветшее небо медленно светлело, и было не совсем ясно, это уже рассвет или одна из Лун за слоем то ли смога, то ли тумана. Вокруг было достаточно чисто – ни трупов, ни остатков оружия, ничего такого. Каменная пустыня. И сколько ни глядывайся в нее по-мутангельски, сколько ни смотри обычным образом или с помощью линз ночного видения – ничего. Словно и не было тут никогда ни леди червы Ниоко Нири, ни шута Тафанаила, ни кого-то другого.

Индис нарисовался внезапно. Возник за их спинами.

– По следу Ризи! – сказал Индис.

– Ух ты ж, ёж ты ж! – вздрогнул от неожиданности Дюшка, оборачиваясь. – Ты тут... как?! Что ты...

– Ризи? В смысле? – не понял Кир.

Дюшка уже примерно понял, но удивился:

– Ты наши мысли читаешь? Но мы же с тобой не Мебби Клейн!

Индис усмехнулся:

– Кир, Андрей, я супермутант. Как Ризенгри. Пора бы вам уже к этому привыкнуть. Да, я читаю мысли – не всегда, но когда необходимо. А сейчас это было необходимо. Да, я появляюсь внезапно, не летать же мне с черепашьей скоростью, в самом деле! И да, я иногда даю полезные советы. Мой вам полезный совет: ищите черную мутонить Ризи. Он супермутант, он остался если не мутангелом, то кем-то, по-прежнему обладающим способностью пользоваться мутонитями. Более того. Он с Элей. Эля – карта полной неизвестности. Это единственный игрок, который не теряет мутангельские способности при выходе с уровня Пи.

И Индис исчез почти так же внезапно, как появился. Только что стоял рядом – и вот он уже крошечная точка в небе, если различишь в тумане.

– Знакомый туман... – медленно проговорил Дюшка, наблюдая за тем, как растворяется в нем точка-Индис. – Такой был там, когда я шел по следу Лещи. Только там он был более синий. И более колючий. А этот какой-то не такой. Ты видишь в нем хоть одно свернутое измерение?

Кирилл не видел.

... Прошло несколько часов, которые Мебби Дюшка и Кир Клейн потратили на поиски черной нити Ризенгри. Они меняли реактивные ранцы, запускали дроны с видеокамерами, просили помощи у других мусорщиков, но все было без толку: нити не было, ее никто не видел. Уже все узнали или поняли, что Кирилл и Андрей собираются сделать. Но их никто не останавливал.

Игра между тем продолжалась. Оставшиеся несколько десятков игроков поменяли тактику. Массовое рубилово окончилось, настало время изошренных схваток.

За полдня новых убитых было всего двое. Еще парочка опытных игроков эпично сражалась на скалах недалеко от Базы, используя все возможные виды оружия, гигантские прыжки, размножение образов, психоделические зелья и так далее. Это было красиво. Один из соперников был сильнее, умнее и опытнее. Второй лучше вооружен. И это тоже было красиво. Красиво, если не учитывать тот факт, что они умрут – оба, один сейчас, второй – на каком-нибудь следующем уровне, в какой-нибудь следующей схватке.

Кирилл и Андрей оказались неподалеку от них, потому что им померещилось, что вершина одной скалы опутана черной нитью.

«Подождем окончания битвы?» – подумал-предложил Кир.

«Ни за что!» – подумал-ответил Дюшка.

Они понеслись к скалам, освещаемым вспышками взрывов, – теперь сражающаяся парочка пыталась укокошить друг друга с помощью бомбин.

Диди. Бомбины – это что-то среднее между минами и бомбами.

– Главное, чтобы они не разнесли в клочья нить Ризи! – крикнул на лету Дюшка.

«Да!» – ответил ему Кир.

ВЖУХ! – ударной волной от очередного взрыва их вдруг схватило за шкирки, закрутило и резко отнесло в сторону.

– Идиоты, пара идиотов! – выругался Индис. – Это не взрывная волна, это я. Вам не каюк, я вас успел спасти.

– Я не думал про взрывную волну! – возмутился Кир.

– Я вообще не употребляю слова «каюк»! – фыркнул Дюшка.

– Черная нить Ризи находится везде! – игнорируя все замечания, невозмутимо произнес Индис. – Задержите головы и поднимитесь хотя бы на километр над планетой!!!

Кирилл и Андрей дружно задрали головы и уставились на слой смога-тумана.

– Понятия не имею, как вы собираетесь справляться дальше! – Лицо Индиса приобрело странное выражение: смесь тревоги, жалости и раздражения. – Извините, но я не могу отправиться с вами. Никак.

И он исчез – еще стремительнее, чем в прошлый раз.

«Мы правда идиоты?» – спросил Кир у Дюшки.

«Мы правда идиоты. Давай вверх на километр!» – ответил Дюшка.

На высоте в километр никаких нитей не было.

На высоте в полтора километра тоже.

Два – ничего.

Три. Пустота, и туман стал редеть.

Четыре с половиной. Нету. Ни нитей, ни тумана.

«Выше нельзя, надо перестроить дыхательную систему или взять маски!» – сообщил Кир.

«Что-то не так! – подумал Дюшка. – Спускаемся на километр сто!»

Нити на высоте в километр сто метров как не было, так она и не появилась, однако, присмотревшись как следует, Дюшка обнаружил в огромном количестве отдельные вкрапления микроскопических размеров, они были почти равномерно рассеяны по пространству.

– Слушай, я не пойму... – пробормотал он. – Это след не след, нить не нить, но... А-а-а! Это нить, только она перекинута в свернутые части пространства! Суслик, как он это сделал?

Когда паришь над Ржавой на высоте около километра, – холодно.

Холодно ночью.

Днем.

И вообще.

И как бы темно.

Но темно не совсем, потому что ты – мутангел, ты видишь.

Видишь равнину внизу и скалы вдали. И всполохи огня над скалами – это продолжается схватка сильнейших игроков.

Далее, то есть не дальше к горизонту, а дальше в глубь пространства, ты видишь ряды трупов, упакованных «коконами» для отправки обратно на Уровень Пи. Коконів не слишком много, и ты знаешь, что обратно доставят лишь тех, кто никого не убил, кого возможно восстановить. Те, кто в коконах, не перестали быть живыми, но не перестали быть мутангелами. Значит, они перестали быть живыми временно. Каждое живое существо должно жить вечно, сколько захочет. Иначе – несправедливо.

«Каждое существо должно жить вечно, – подумал Дюшка. – Вечно и, по возможности, счастливо. Иначе – ну совсем несправедливо!»

«Точно!» – немедленно согласился с ним Кир.

... Далее, еще дальше вглубь, за коконами, были видны ряды игроков, упакованных иным образом, – их могли вернуть на Пи только в виде инграмм. Дюшка разглядел среди них почти

целого бармена Сэмма и гадалку Мадлену, пострадавшую гораздо сильнее. Впрочем, лицо Мади было почти не задето, руки тоже; а вот ноги... вместо них в отдельном контейнере находилось... Дюшку стало мутить, он перевел взгляд вверх, в небо с точками, в которые Ризи превратил свою черную нить.

«Понятия не имею, что с этим делать!» – подумал он с отчаянием.

– Кажется, я знаю что... – пробормотал Кирилл. – Мы это еще не проходили, но однажды мой мастер рассказывал про переходы за браной и... Я попробую?

– Пробуй, конечно! – разрешил Дюшка. – Не висеть же тут бесконечно!

Они все еще продолжали парить в воздухе, поставив ранцы на стабилизаторы высоты. Ранцы слегка гудели, создавая за спинами напарников еле различимые в видимом спектре световые потоки, изменяющие магнитные и гравитационные поля вокруг. Если долго так висеть, с непривычки голова тоже начинает гудеть – в унисон ранцам. У Дюшки она уже гудела. А у Кира пока нет. Он сосредоточился на мутониях, появляющихся из его рук, пытался их закрутить.

«Правило буравчика...» – поймал Дюшка одну из мыслей Кирилла.

Диди. Это не то правило буравчика, которое на Земле-12 учат в школах на уроках физики. Это другой буравчик, пятимерный.

– Кажется, что-то получается... – пробормотал Кир. – Есть! Ныряй за мной!

Повторять дважды не пришлось: Дюшка нырнул в открывшееся перед ним слабое подобие сокращалки. Правда, он забыл отцепить свои мутониты от Сэмма и Мади, но вроде бы это не помешало.

Глава 3

Изгнание из фтопки

*Баю-баю, дурачок,
Не ложися на бочок.
Лучше ляг на попку,
Чтоб не взяли в Фтопку...*

«Баю-баю, дурачок...» – пела мама каждый вечер, много-много раз за вечер, потому что так полагалось, потому что так повелели ангелы, давным-давно, много лет назад, и послушаться никто не смел.

– О чем ты плачешь? – Аууарен Рен оторвался от созерцания темного, мокнувшего под дождем дворика и повернулся к Пипе. – Ты не плачь. Ты не бойся. Мы выживем.

Он оторвался от окошка и прошелся по комнатке, в которую их час назад поселили.

– Мы будем выполнять задания и жить долго-долго!

– А если не будем, то попадем обратно в Фтопку. И это будет счастье! – сквозь слезы улыбнулась Пипа

(и, как только сил хватило, растянуть рот и пошутить). – Ау, ты не думай, я не боюсь. Я просто... колыбельную вспомнила.

– Что вспомнила?!

– Колыбельную. Тебе мама разве не пела колыбельную песенку перед сном? Должна была. Но Ау отрицательно покачал головой:

– Не помню. Я маленький был. И младший в семье.

– А я в семье средняя была, самая средняя и самая умная, десять уколов мудрости! – Пипа промокнула глаза рукавом и в последний раз хлопнула носом. – Хочешь, я тебе колыбельную спою? Там всего три куплета, я их помню, хотя прошло шестьдесят семь лет. Мама младшим пела, я потому и помню.

– Валяй, пой!

Диди. Теперь, когда Ау и Пипа покинули Желтый Дом, они узнали свой точный возраст. Пипе было шестьдесят семь лет (и пятнадцать – внешне). Аууарен оказался младше почти на два десятка, ему было сорок девять (и внешне также всего пятнадцать).

Ау плюхнулся на тахту, подложил под голову мутаку – жесткую подушку цилиндрической формы. Тахта была слишком короткая, ноги Ауурена не помещались и торчали.

– Баю-баю, дурачок... – затишула Пипа.

Ау лежал на спине, уставившись в потолок. Под потолком горела лампочка, и некое подобие абажура отбрасывало на кривые стены кривые тени.

Еще несколько часов назад все в жизни было так прекрасно! Милая, уютная Фтопка, родной Желтый Дом с едальнями, бассейнами, велосипедами... Праздник – День Обновления, пир горой, лазерное шоу... Друзья: Фыц, Жизелька... Ну и что, что целоваться нельзя, подумаешь! Раньше Аууарен частенько думал о поцелуйчиках, обнимашках, о сексе. Ему казалось – как только покинет Фтопку, бросится пробовать. Но сейчас ни капельки ничего из вышеперечисленного не хотелось. Да кто ж знал, что на этой гребаной свободе окажется такая засада!!!

– Не ложися на бочок...

«Может, все-таки поцеловать Пипетку? – вяло подумал Ау, поворачивая голову влево. – Все равно терять уже нечего. Жизку мне не дожидаться, это факт. Ей до окончания еще лет пятьдесят потеть, не меньше. Я тут сто раз сдохнуть успею...»

– Лучше ляг на попку...

Ау фыркнул: он и так сейчас лежал «на попке»!

– Чтоб не взяли в Фтопку!

Ау проворно перевернулся «на бочок». Не факт, что метод сработает, но почему бы не попробовать?

– Баю...

Комната, в которую их поселили, была квадратная и, по местным меркам, большая. Им предоставили выбор: или в одной большой, а удобства во дворе, или подселить к другим людям. Пипу – к женщинам-ткачихам, по десять баб в комнате, но туалет рядом, Ау – отвезти за сотню километров на шахту, там рабочие руки нужны, работа тяжелая, удобств никаких, зато в комнате каждый один, и кроме кушетки стул помещается – его можно использовать, как стол.

– Баю...

«От шахты ты зря отказываешься, – сразу заявила их сопровождающая, Хэнн Гу. – Там задания стабильные. Сделал дневную норму – ни на день не состарился! Там есть мужики, которые не одну сотню лет так живут!»

Аууарен Рен представлял себе труд шахтеров по фильмам, которые смотрел в Фтопке. А два квадратных метра, с кушеткой и стулом, мог представить себе и без фильмов. И жить вот так сотни лет?!

– Баю...

Что касается Пипы, тут сопровождающая не настаивала. Правда, ничего плохого в житье вдесятером она не видела, но считала, что при таком образе жизни Пипа вряд ли выйдет замуж.

«А если я не хочу замуж?» – спросила у нее Пипа.

«Не хоти, кто ж тебя заставляет? – повела плечами Хэнн Гу. – Но имей в виду, что замужним женщинам, а особенно мамочкам, задания-то куда полегче дают!»

В житье вместе, на взгляд Хэнн Гу, был один ужасный минус. И о нем она тоже сразу предупредила. «Вам еще нет восемнадцати, вы еще несовершеннолетние и...» – сказала она.

– Баю...

«... и вам ни в коем случае нельзя жениться и заводить детей!»

От этого заявления Ау оторопел: «Как же так, разве совершеннолетие наступает не в шестнадцать?!»

Оказалось, в Фтопке – в шестнадцать, а на свободе – в восемнадцать. Так что целоваться-обниматься никто не запрещает, но от поцелуев до более серьезных отношений, гхым...

– Баю...

«У нас не будет никаких отношений! – за них обоих мгновенно решила Пипа. – Я люблю другого, он любит другую... В любом случае лучше так, чем на шахту или к десяти ткачихам!»

Ау интенсивно закивал. И их оставили вдвоем.

«Завтра я приду, расскажу дальше, что у нас и как!» – пообещала Хэнн Гу и удалилась.

– Баю...

Была примерно середина ночи. Они не знали, который час, поскольку часов не было. Вообще с обстановкой был кошмарный кошмар. Представьте себе: комната в шестнадцать-семнадцать квадратных метров, одно окно (из рамы нещадно дуло), две тахты (по мутаке и верблюжьему пледу на каждой), круглый стол в центре, один на двоих шкаф со сломанной дверцей, притуленной рядом, к стене (второй дверцы не было), и нечто, похожее на старый буфет. «Буфет» был сварен из чугуна или какого-то тяжелого металла такого же рода, занимал целую стену и был завален разными предметами, которые находились в употреблении не один десяток лет. Среди предметов в буфете были в ассортименте: несколько жестяных тазиков, стаканы,

тарелки, вилки-ложки и прочая посуда, десяток-другой потрепанных книг, пяток шкатулок, несколько корзин, стопка из трех кухонных полотенец далеко не первой свежести и прочая ерунда.

– Баю...

– Жрать хочется, сил нет! – зевнул Аууарен.

– Баю... – Пипа не стала отвечать, поскольку продуктов все равно никаких не было, а на улицу в ночное время им выходить не рекомендовали.

– Ни разу с самого детства не ложился голодным!

– Баю... А в детстве ложился, что ли? – удивилась Пипа. – Как такое может быть? Родители же обязаны кормить детей, не то – в Фтопку! В нашей деревне об этом всем было известно. Никто бы не стал рисковать...

– У нас в деревне все на еде экономили! – возразил Ау. – Главное, чтобы ребенок не жаловался, что голодный. Ну, чтобы родителей в Фтопку не забрали. Вот нас и учили не жаловаться. Нам говорили: «Кто просит каши, того заберут!»

– И что, вы верили?

– А как было не верить, когда один мальчик, через два огорода от нас, просил – его и забрали...

– Ха-ха! – рассмеялась Пипа. – А когда тебя забрали, все небось окончательно поверили! Ты же тоже просил есть, хоть и боялся?

– Ну... Было дело! – Ау улыбнулся. – Но ты не думай, что нас голодом морили! Не-е-ет. Так только, чуток экономили. Зато у нас самая богатая деревня во всей округе была!

– Да ладно! Сколько у твоей мамы новых платьев было?

– Девять!

– Ну да... Много. У моей меньше было. Ладно, давай спать, что ли...

– Давай. Утром придумаем, что делать.

А что тут будешь делать, если все под контролем ангелов? Ничего не изменить. Придется подчиняться местным правилам, приспосабливаться...

«Я не хочу подчиняться правилам!» – подумала Пипа.

Ау укрылся пледом и отвернулся к стене. Ему не пришло в голову пожелать подруге по несчастью спокойной ночи, поскольку в Фтопке не было подобной традиции: все расходились по своим комнатам в разное время.

Когда Ау задышал ровно, Пипа встала, тихонько подошла к окну и уставилась в мокроту и темноту.

«Какой все это бред, безумный бред! – думала она, прислонившись лбом к холодному стеклу. – Ненавижу эту жизнь! Ненавижу ангелов! Не-на-ви-жу!!!»

Сквозь эту ненависть проступали совсем другие мысли и эмоции: «Отличный эксперимент с этой Фтопкой! Особенно любопытно наблюдать изнутри...»

Пипе Мумуш было страшно и не страшно. Ей было одновременно: шестьдесят семь лет, пятнадцать лет и... гм... и очень много лет, неважно сколько, ибо она была... вечной.

«Я сошла с ума!» – поняла Пипа.

Она долго смотрела в темноту двора, раздумывая о разных разностях, пытаясь вспомнить, когда стала считать себя вечным существом, ангелом. Осознала, что, даже если это так, она ни капельки не хочет быть ангелом! Что то, что в ней, – это не она! Затем Пипа стала вспоминать разные разности из детства, из того, что было с ней до Фтопки.

Пожалуй, самым хорошим воспоминанием были мамины колыбельные. И еще Лещца. Да, Пипа отлично помнила свою подружку. Их семью ангелы поселили в заброшенном соседнем доме. Ненадолго поселили, примерно на месяц. Но чего только за этот месяц не произошло! Как здорово было скакать с Ле через скакалочку! А потом Ле придумала игру: скакать сразу через две скакалки. Ле была очень умная, настоящая фантазерка. Она считала, что ска-

калки продолжают в их руках невидимыми ниточками. Что это ниточки дружбы, что они магическим образом связывают их навсегда. Пипа не верила в скачки и в магию. А существу, сидящему в ее голове, верить или не верить и не надо было: ангел Старк, даже расправившись на крохотные частички, точно знал, что никакой магии в природе не существует... Интересно, почему Ле и ее родители так быстро уехали? И почему Лещу не взяли в Фтопку?

Ответ появился в голове сам собой: «Жителей Земли-28 не забирают в Фтопку!» Одновременно с ответом в голове Пипы возникла и досада: она так и не знает толком, что произошло в тот момент, когда Ле превратилась в крысу!

– Как – в крысу?! – Пипа не выдержала и проговорила это вслух.

Тут же осеклась, огляделась: Ау спал, больше в комнате никого не было. Пипа почувствовала, как ее волнами окатывают холод и страх. С каждой минутой она вспоминала все больше и больше. Память ангела-эксперта Старка наполняла ее мозг, при этом теперь она четко осознавала, что она – не он. На мгновение ей тоже захотелось стать хоть крысой, хоть кем угодно, только бы все это поскорее окончилось! Неприятны были не сами по себе чужие воспоминания, немного похожие на кино. Неприятны были эмоции постороннего существа: с одной стороны, он как бы сочувствовал и ей, и Леще, с другой – не собирался помогать. Это было какое-то очень странное сочувствие, не близкое Пипе Мумуш!

Темноту за стеклом внезапно продырявил луч света – в одном из окон соседнего дома зажглась лампочка. Пипа всмотрелась, но ничего толком не разглядела за пеленой слез, – она не заметила, что плачет.

Бедная Ле! Ее не забрали в Фтопку, но ей пришлось стать крысой!

«Она сама захотела, никто ее не трогал! Она могла выйти замуж, жить сколько угодно и...»

– И знать, что где-то в мире есть я, которую забрали в Фтопку! – прошептала Пипа.

«Она не думала о тебе! Она стала крысой, потому что хотела найти в подвалах замка меня, свою игрушку! Она полагала, что меня утатила крыса, поскольку прибор-поисковик указал на подвал, а...»

– А меня в подвале никогда не было! – воскликнула Пипа.

– Шч... Что? – Ау от вскрика проснулся.

– Ничего, спи.

– А ты чего, уже встала?

– Я... я в туалет...

– А-ау-ау... – Аууарен Рен громко зевнул и вылез из-под одеяла. – Давай я тебя провожу.

– Куда?! В туалет???

– Ну да-а-ау... – Ау опять зевнул. – Там же улица. И ночь. Хэнн Гу предупреждала, что по ночам опасно...

Он протопал босиком к окну, выглянул:

– Ага, уже рассвет скоро, вон два окна горят. Ну тогда не страшно. Иди одна, а я – дальше спать.

Ау вернулся на свою тахту, поворчал о том, что ноги не помещаются, и затих. А Пипа на самом деле решила спуститься вниз.

Вчера вечером она уже успела побывать в кошмарном заведении под названием «Сан-станция». Серая приземистая постройка без окон и дверей (да-да, ни одной двери, даже вместо входной – арка). Внутри – несколько помещений. Самое большое, разделенное стеночками, – «очковая комната», как ее назвала Дддд; далее – раздевальная, далее – душевая. Чтобы попасть в душевую, требовалось пройти очковую и раздевальную. Кроме того, направо от очковой находилась кранная, там над одним длинным как бы корытом, тянувшимся по периметру вдоль стен, нависали краны. Вода из них шла холодная.

Пипа беспрепятственно спустилась по скрипучей деревянной лестнице, пересекла двор и вошла в очковую. Санстанция освещалась неплохо, но внутри было довольно холодно. Пипа подумала о том, что сейчас осень, а зимой, в морозы, тут будет совершеннейший дубак. И тут же подумала о том, что дубак – полезно для здоровья. Вторая мысль ей не понравилась. Настолько не понравилась, что, сделав кое-как свои дела в очковой и отправившись мыть руки, не выдержала и ругнулась вслух:

– Козлятина! Холера, итить! А не пошел бы ты...

Разумеется, она имела в виду ангела, удобно устроившегося в ее голове, и больше никого. Но...

Но Пипетке не повезло. Дело в том, что кранная находилась между мужской частью санстанции и женской; она была общая, хоть ее и делил символически на две части выступ стены длиной метра в два. Так вот, в столь ранний час за этим выступом спокойно стирал свое белье мрачного вида парень, обитающий в соседнем доме.

– Чего-о-о? Что за... – Парень выглянул из-за стены.

Видок у него был зачетный: штаны закатаны до колен, голый торс (точнее – грудa мышц над веревочным поясом), в левой руке – тряпка, вся в мыле, мыло капает на пол. И глазки над всем этим, красные, с мешками под.

Убедившись в том, что в кранной, кроме него самого, находится одна-единственная девчонка, парень мгновенно осознал, кто мог обозвать его холерой и козлятиной.

– Ой! – сказала Пипа. – Извините, я ду...

– Ага! – сказал парень.

– Я не вам, а...

Договорить и объяснить что-либо Пипе не удалось: плюх! – мыльная тряпка довольно сильно втрескалась в ее лицо. От неожиданности Пипа потеряла равновесие, попыталась удержаться на ногах, но безуспешно. Ее развернуло, и она грохнулась на пол самым неудачным образом, предварительно как следует приложившись виском об острый угол раковины-желоба. Еще и ногу подвернула.

– Эй, ты что?! Я не...

– А, ты мне еще и тыкаешь?! Урою!!!

Парень озверел не на шутку и «урыл» бы, но, по счастью, тут за его спиной вырос Аууарен Рен, и они принялись урывать друг друга, не обращая внимания на забившуюся в угол Пипу.

Спустя час Пипа и Ау выслушивали бодрую ругань Хэнн Гу, которая стала на день старше из-за их невозможного хулиганского поведения.

– Как вам в головы только пришло? Вечером прибыли, утром драку устроили! Только посмотрите, на кого вы похожи?

Посмотреть было на что. Пипа – с отекающей щекой, раной в районе виска и, что хуже, опухающей ногой. Вывих не вывих, но ушиб серьезный, неизвестно, сколько дней не сможет нормально ходить. Аууарен – вообще красавец, с разбитой губой и кучей синяков и ссадин, весь в крови, одежда разодрана, ладно, что кости целы.

– Ну вы придурки! Эх... делать нечего, задание мое вы наполовину провалили, но есть шанс спасти второй из двух дней. Пошли в город. Я вам покажу, где биржа работы и где контора заданий.

– А переодеться можно? – робко поинтересовалась Пипа.

– А во что, интересно мне знать, ты собираешься переодеться? На одежду вам еще заработать нужно!

Оказалось, что на свободе за все надо платить. Эту комнату им, правда, предоставили бесплатно, но только до исполнения восемнадцати лет. И барахло тут от прошлых жильцов осталось – можно пользоваться. А за все остальное – гоните денежки.

– Это вам, считайте, повезло! – объяснила Хэнн Гу, не скрывая зависти. – Вас из Желтого Дома досрочно освободили, если б не это...

– Да уж, – хмыкнул Ау. – Повезло так повезло. Привалило счастья. Ну, пошли на экскурсию, что ли...

Глава 4

Шаманка

Голова после вчерашнего гудела и трещала так, словно в нее были засунуты все нехитрые шаманские девайсы, которые использовались вчера для вызова духов: бубен (большой, старый, настоящий), две круглые трещотки на деревянных ручках (купленные вроде бы на Сахалине, точно сейчас не вспомнить) и ножные браслеты с бубенчиками в буддийском стиле (эти вообще невесть откуда взялись). Теперь весь этот арсенал переместился под черепную коробку и прочно там засел.

Она все-таки оторвала башку от горы подушек и потянулась губами к соломинке, погруженной в большую пиалу с зеленым травяным чаем – холодным-холодным, в доме было не более пяти градусов выше нуля, ничего удивительного, уже октябрь.

«Надо закрыть окна, – подумала она. – Закрыть окна и затопить очаг. Дурман выветрился. Теперь надо согреться... Муточерт бы побрал этих москвичей, как они меня достали!»

Она не знала, откуда в ее лексиконе это словечко – «муточерт». Оно могло быть, например, из сна. Ей такие сны всю жизнь снятся, что вообще! И про то, что в далеком, прекрасном мире у нее есть ручной дракон. И что она там живет в шикарном доме. И что у нее из ладоней тянутся цветные нити. И что она там красавица-раскрасавица. И что... В общем, много всего снится. Лучше об этом не думать. Ничего этого нет и никогда не было. В реальности она – уродка с ужасным носярой, больше похожим на вороний клюв. С таким – только в шаманки.

Когда-то в детстве, классе в пятом, мать возила ее в клинику в Петропавловск-Камчатский. Там ей сделали рентген, то есть снимок носа, прокололи палец, забрав каплю крови, а потом заявили, что операции в три этапа лучше делать через несколько лет, когда ребенок подрастет и кости полностью сформируются. Мама узнала примерные цены на операции, ничего не сказала, и они поехали обратно домой. Денег на первый этап им было бы не собрать, даже если все продать до последнего носка. Да и кто купит носки?! Средства на дорогу в тот раз дала тетя, мамина сестра. А в их доме бабла никогда не водилось: отец пил без остановки, мать – не так чтоб пила, но всегда болела, все, на что ее сил хватало, – наряжать дочку да делать ей прически, приводить ежедневно в порядок огромную копну упругих черных волос.

От мамы в наследство достались украшения для волос – удивительные, магические, из костей рыб, из бивней попавших в вечную мерзлоту мамонтов, из яркой пряжи, из дерева... От отца наследство было сомнительней: бубен да способность впадать в транс. После транса она едва вспоминала прошлое. Иногда ей казалось, что ее прошлое – и вовсе не ее. Сегодня память была похожа на разбитое зеркало, осколки воспоминаний были свалены в горку в районе затылка. А виски и лоб танцевали под бубен с трещотками.

Она все-таки встала, доплелась до окошек, закрыла. Левое, которое ближе к печи, – на две щеколды. Правое, над циновками и козлиной шкурой, пришлось подпереть поленом, соорудив шаткую конструкцию из табурета, пластикового контейнера и полена. Теперь нужно было выйти за дровами под навес и растопить печь.

Во дворе ее стало тошнить зеленой водой. У нее и раньше такое бывало после магических сеансов. Это от голода. Надо поесть рыбы, выпить горячей крапивы, а лучше сбора, и пройдет. Но сначала – печь.

Спустя пару часов стало ясно: на этот раз что-то пошло не так. Тошнота не отступала, а даже усиливалась, теперь ее выворачивало не зеленой водой, а зеленой водой с розовыми кусками лосося. И бубен в голове продолжал тумкать под трещотки с бубенчиками. Одна радость: клиент оказался честным, деньги из шкатулки не забрал, ценного ничего не спер. А то всякое бывало.

– Ничего, ничего, все хорошо! – зашептала она сама себе. – Сейчас отогреюсь, отосплюсь, – отпустит.

Клиент вернулся на следующий день, ближе к полудню. Нежданчик.

Стоял на удивление спокойный, солнечный день. Для их мест в это время года – почти невероятное событие. Туман привычно скрывал потухшие вулканы на горизонте, барашками пасся на сопках, но не подбирался вплотную к домику. Она вышла за водой. Ее шатало. Идти пришлось, придерживаясь за стену. Но вот стене конец. Надо оторваться. Шаг, еще один... Рев мотора она почти и не услышала (а еще ведьма!), а джип увидеть увидела, но словно не придавала значения. Словно в эту глушь машины сто раз в день приезжали, а не от силы раз в месяц.

– Валь-я-тян, давай помогу!

Да, это был вчерашний клиент. Японец, а работает в Москве. Станный. Впрочем, к ней только такие и ездят – странные. Правда, вот японец – впервые. Он вместо «р», когда нервничал, произносил «л». А вместо «ш» – что-то среднее между «с» и «з». Называл ее то правильно, Варя, то как сейчас – Валь-я. И прибавлял к имени то «тян», то «сан». Маленький, щупленький, в узеньких очках и дутой зимней куртке, он бросился к ней через бурьян, и очень вовремя – у Вари подогнулись ноги, и она буквально упала в его объятия.

– Валия-тян, ай, Вария-сан! – запричитал японец, усаживая юную шаманку на землю (удержать ее он никак не мог). – Подожди, я подушку плинесу. Подушку!

Он проворно убежал в дом.

– Подушку... – прошептала Варя. – Подушку... Это из сна?

– Из какого сна, Варя-тян? – Японец уже успел прибежать обратно с двумя подушками.

– Мне, кажется, сон такой снился, – пробормотала Варя. – Словно я живу на планете, где все мутанты. А потом... Потом кусок сна не помню, словно синий туман. А потом как будто я сижу на улице и зову... Подушка... Подушка... По... Дюшка... И...

Она пересела на подушку, чтобы не простыть на холодной земле.

– Сны – это холозо! – авторитетно закивал японец. – Я не помню свои сны. Это плохо.

Солнце пробивало листву желтыми нитями. Варя посмотрела на свои руки: есть ли у нее нити-лучики? Нет, сейчас не было. И ее опять мутило. Но не блевать же при посторонних!

– Зачем ты приехал? – борясь с приступом тошноты, спросила она. (Отец учил: «Со всеми, кому ты провела обряд, переходи на „ты“».)

– Я не могу уехать! Я уехал. Я думал в дороге. Ты та, кто мне ну-же-на. Ты должна знать выход из мира. Мой пятьдесят раз отец Оенакоши Ташины передал нам, своим внукам внуков: я уйду сейчас, а женщина с клювом даст уйти вам потом. Меня зовут так, как звали его...

Варя тяжело вздохнула и сглотнула слюну. Это не помогло. Ей было по-прежнему очень плохо. Она помнила, что в семье ее клиента всех старших мальчиков называли в честь далекого предка, который много веков назад якобы ушел в лучший мир на глазах у многочисленных родственников. Причем ушел в самом прямом смысле: испустил «луси, как ладуга» (лучи, как у радуги) и ушел, словно испарился. Потом несколько странным образом исчез еще один предок, Ойётамори Си Тисси Байко, «два лаза дедушка» ее клиента (Варя не поняла, это был прадед или дед деда, то есть прапрадед, честно говоря, ей было все равно). Из последних сил борясь с тошнотой, Варя произнесла:

– Спасибо за помощь. Но я провела обряд, спросила духов предков, передала вам все, что они мне сказали, и...

Диди. Тут следует заметить, что транс во время обряда получился не глубокий, и по этой причине никакие «духи предков» шаманке не явились. Пришлось сочинять на ходу нечто в стиле «О, да, я тут, я пришел, жди перемен в пятый месяц красной луны, после того, как увидишь зна-а-ак!»

– Я больше ничем не могу вам помочь, – призналась Варя. – Мне надо отдохнуть. Видите, что со мной сделали духи?

– Но я должен! – взвыл японец с такой страстью, с какой, наверное, самураи рубят головы врагам или совершают харакири. – Должен! Валья-сан, ты саман высзего класса, ты смозесь откльзть луцьзий мил!!!

Шаман высшего класса собралась было вяло возразить и проехаться насчет «лучшего мира», в который каждый неизбежно попадет своим ходом, но вместо этого не выдержала и извергнула из себя остатки зеленой воды с кашицей лосося. Японец задумался и пришел к выводу, что духи предков тут ни при чем, а девушку надо спасать.

На закате они выехали в Петропавловск-Камчатский. К врачу. В багажнике, бережно завернутый в старое одеяло, молча подпрыгивал на ухабах бубен. Рядом, во втором одеяле, связанном узлом, тихонько тряслись прочие шаманские принадлежности. Третье одеяло, совсем старое и дырявое, скрывало сундучок с принадлежностями для свечной магии и старинными картами. Все это оставлять без присмотра было никак нельзя. Оё уговорил Варю-сан и кое-какие личные вещи взять (они вместились в кожаную дорожную сумку, отцовскую, ручной работы) на тот случай, если ее уложат в больницу. Впрочем, это вряд ли: Варя не смогла найти ни свой паспорт, ни полис, ни какие-либо другие документы. Она даже не помнила, были ли они вообще и как выглядели.

Останавливаться приходилось каждые пятнадцать- двадцать минут: Варю укачивало, у нее болела голова и леденели руки. Когда совсем стемнело, съехали с дороги к ручью и стали устраиваться на ночлег. Небо пошло кляксами туч, стареющая луна выныривала из них сперва часто, потом реже и реже. Порывами налетал ветер, температура падала с каждой минутой. Оё проворно разжег костер, сотворил горячий чай, извлек из машины походное кресло и теплый пуховик, накинул его Варю на плечи поверх ее тонкой куртки. Варя пила обжигающий чай и тряслась от холода. Ее больше не мучило, это был плюс. Но голова гудела все сильнее, это был второй минус (после холода).

– Ницево, ницево, утлом будем в холосей кликс! – утешал ее Оё и развлекал небывальщиной о своих многочисленных предках.

Предки его, если верить рассказам, были все до одного людьми необыкновенными. Вот только ускользнуть в прекрасный «луцьсий мил» удалось всего двоим. Оё был с детства убежден в том, что станет третьим.

Варя никак не могла согреться. Ни пуховик, ни чай, ни костер не помогали.

– Не оценъ холосо, сто у тебя нет полиса и пасполта! – озабоченно покачал головой Оё. – Дазе любой ссс-ш-спшаман долзени иметь полис! Как такое могло слутиться, сто у тебя нет бубазек?

– Чего нет? – не поняла Варя.

Она не отрывала взгляда от огня, находилась в полуотключке, но все-таки слышала и реагировала.

– Мубазек! – поправился японец. – То есть бу-маз-жек. Документов. Ты в школе училась?

– В школе... Училась.

– А бубазка об оконъцании сколы у тебя есть?

Варя задумалась.

– Кажется, я не окончила школу, – неуверенно произнесла она после продолжительной паузы. – Как ходила, помню. Класс свой помню. Я хорошо училась, на пятерки. У меня только по оперхрюку двойка была.

– Что это – опехлю?!

– Оперативное хрюкание. Ну, предмет такой. Сигналы посылатъ, если что.

– Какие сигналы?

– Ну как... Такие, например... – Варя оторвалась от созерцания огня и выразительно хрюкнула.

Хрюк получился знатный. Японец обалдел. Не нашелся, что ответить. И заплодировал.

– Да ладно, – засмушалась Варя. – Подумаешь... Просто обычный хрюк... У нас его каждый первоклассник знает.

– Ты осень, осень великий саман, Валя-сан! – пробормотал Оё То Мори, догадавшись: Варя ходила не в обычную школу, а в особую, шаманскую, потому у нее и нет никаких бумажек.

В клинике сначала не хотели Варю принимать.

– Хотя бы паспорт нужен! – объясняли толстые регистратурные тетеньки. – Хотя бы полис. Хотя бы права. Хотя бы что-нибудь!

После некоторых препирательств сдались, оформили карту с пометкой «со слов пострадавшей». Варя не стала доказывать, что она не пострадавшая, при чем тут пострадавшая?

Спустя всего три часа выяснилось: Варя-сан... беременна. Тринадцать недель. У нее ток-сикоз (оттого и тошнит). И нехватка некоторых микроэлементов (оттого и знобит).

– Не может этого быть... – прошептала Варя, услышав новость. – Я же ни с кем. Я же ничего. Я же... только во сне, с Дюшкой, во сне же не в счет...

Медсестры с врачом, услышав «только во сне» дружно хмыкнули, но комментировать не стали. Варя вышла в вестибюль, растерянная и обалдевшая. Врач – за ней, спеша сообщить радостную новость будущему папаше.

– А вот кто у вас будет, сын или дочь, мы пока сказать не можем, требуется дополни...

– Вы мне? Мне сын или дочь?! – заволновался японец. – Мне не сын и не дочь, мне... А, ладно! Холосо... Посли, Валя-сан!

Однако уйти просто так не удалось, врач, проводившая УЗИ, решительно подхватила Оё под локоток и увела вдаль по коридору.

– Хорошо-то хорошо, – сказала она, открывая дверь своего кабинета и приглашая Оё войти. – Прошу!

Оё То Мори вошел.

– Но не очень хорошо. Плод развивается не совсем... Эмм... Не то чтобы не совсем нормально, но несколько странно. Говоря напрямую... Впрочем... Как бы вам это преподнести... В общем, нужно провести еще ряд исследований, например генетических.

– Лебенок с синдромом Дауна? – нахмурился японец.

– Ладно! Скажу прямо, без экивоков. Ребенок вообще не очень похож на человека. Зародыши все примерно одинаковые, но в данном случае для этого срока... Уж я-то всякого насмотрелась, поверьте! Почти тридцать лет в профессии. Но тут... Возможно, лучше избавиться от плода. Срок довольно большой, но по медицинским показаниям...

Будущий папочка молчал, раздумывая.

– В любом случае вам надо найти документы вашей... эмм... вашей жены... Или восстановить их.

– Во-ста-нош-што?

– Ну, восстановить, заново получить. Вы гражданин России?

Оё открыл рот, чтобы объяснить ситуацию, но не успел. В комнату протиснулась одна из страдающих средней степенью ожирения тетенок (из регистратуры) и шлепнула на стол перед врачом с тридцатилетним стажем пачку бумажек. Врач выкатил глаза:

– Софь Пална, я... Что... Да как вы?!

– Прочтите немедленно! Это! Тут! – Софь Павловна ткнула пальцем в верхнюю бумажку. – Я бы, Екатерин Васильн, не посмела врываться, но...

Екатерин Васильна двумя пальчиками-сарделечками сняла с носа очки и уткнулась в бумажки. Спустя пятнадцать, от силы девятнадцать секунд она оторвалась от чтения, вернула очки на переносицу и:

– Так! Мы обязаны немедленно вызвать полицию!

– Цъто такое?!

– Мы пробили по базам данных. Варваре Ворониной, девятнадцати лет, из далекого стойбища, четыре месяца назад делали операцию в областной больнице нашего города. Было осложнение. Спустя несколько дней – летальный исход!

– Леталь? – с сомнением переспросил Оё. – Вальясан леталь?!

Он был уверен в экстраординарных способностях шаманки Вари, но неужели она летала после операции? Реально летала?

Итог длительных переговоров Оёё с Екатериной Васильевной был таким: а – полицию вызывать не стали; б – Оё воспользовался банкоматом, стоящим в вестибюле, и его счет несколько уменьшился, а количество дензнаков в кошельке Екать Васильны несколько увеличилось. Сразу после этой нехитрой процедуры Катерина внезапно подобрела, прониклась симпатией к своим клиентам, снабдила Варю витаминным комплексом, а Оё – рекомендациями. Рекомендации были следующими: решить вопрос с документами и немедленно лететь в Москву или лучше в Японию, поскольку беременность патологическая, и что с ней делать, должны ответить врачи самого высокого класса.

– Тепель – ужинать! – стараясь улыбаться как можно беззаботнее, сказал Оё, когда они наконец выбрались на свежий воздух.

Варе не хотелось ужинать. Она выпила чаю в клинике, закусил парой сухек, сгрызла несколько леденцов, этого оказалось достаточно. Она знала: стоит поесть больше, начнет мутить. Ей хотелось спать. Оё не представлял, где они смогут переночевать. В любой гостинице нужен паспорт. Хорошо, допустим, можно будет как-то договориться. Или найти частный вариант по интернету. Но дальше-то что ему делать?

Они доехали до центральной площади города, тут Оёё То Мори немного ориентировался и мог обойтись без навигатора: вот театр, вон там он брал в аренду автомобиль, а вот за этим поворотом находится вполне приличное кафе.

Они сделали заказ, и Оё погрузился в инет, чтобы найти ночлег. Людей в зале было совсем мало: обеденное время давно прошло, ужинное еще не наступило.

– Варя! Варечка! Солнышко!!! Ты жива? Господи, какое счастье!

К их столику бросилась какая-то женщина, красивая, статная, элегантно одетая, в длинном платье и возрасте. Бросилась и начала обниматься.

– А-а-а... Ы... Э-э-э... Ну... Серафима Го... Ге... – Варя с трудом могла вспомнить имя.

– Григорьевна! Да ну тебя, можешь без отчества, я же тебе говорила!

Когда говорила? Где говорила? Таких выразительных, удивительных женщин невозможно забыть, таких не забывают. Но Варя не помнила.

– Какая же ты молодец, что выжила, какая же ты умница, господи мой! – Серафима Григорьевна без приглашения присела за их столик; каждое ее движение было невероятно естественно и изящно, и если может быть высший пилотаж в отодвигании стула, то вот сейчас он был всем ненавязчиво продемонстрирован. – Варька, как же я тебя люблю!

Варя совершенно растерялась.

– Мы с Варенькой в больнице лежали в позапрошлом... Да нет, какое там в позапрошлом! Полгода уже прошло! И когда Варю после операции не привезли в палату, оставили а реанимации, я... мы... Это было так неожиданно, молодая, сердце здоровое, и вдруг кома! Ужас. И никого родных. И нас не пускают. Потом меня выписали... Официант!

Подошел официант. Не тот, который обслуживал Варю и Оёё, другой. На подносе у него что-то стояло.

«Жареные хамелеоны!» – вдруг подумала Варя. Она не знала, как ей в голову пришла подобная мысль. Она никогда не ела хамелеонов, да и не видела их, разве что по телевизору.

У них был старенький, потом сломался. Или нет. У них был крутой визор, не реалитивизор, как у Дюшки, а...

«Дюшка – мой сон, сон, – подумала Варя. – Не надо путать сон и явь...»

– У меня сегодня нет спектакля, хотя я и должна быть в театре в восемь, – сообщила Серафима Григорьевна. – А раз работать не надо, надо отдыхать. Предлагаю выпить. За встречу, за то, что Вареньку поставили на ноги и у нее все в порядке. Какое вино вы нам порекомендуете?

– Из красных? Я бы порекомендовала...

– Плостите сто лаз, но я не буду навелное... – вежливо перебил официанта Оё То Мори. – Я уважаю гладиции и цёкнусь с вами! Соком!

Серафима заказала два бокала сухого красного.

– Серафима Ге... Го... Григорьевна, спасибо, но я тоже навер... – пробормотала Варя, проводив официанта туманным взглядом. – Я... Я... Я сегодня узнала, что я бе... Словом, я жду ребенка...

– А-а-а! – немедленно вскричала Серафима. – Так это же ура! Ура! Господи, это же счастье!!! Поздравляю! Поздравляю!

Она заплакала. Варя не выдержала и тоже заплакала. Они обнялись и стали плакать вместе.

– Ну успокойся, тебе нельзя, нельзя! – уговаривала Серафима Варю. – Давай я одна буду за нас двоих реветь? Давай?

Но Варя отрицательно мотала головой – ее густые черные волосы, перехваченные лентами и браслетами (такими специальными круглыми заколками), при этом смешно бились по сторонам – и продолжала вытирать слезы.

Принесли вино.

– Давайте за Варечку! И... Варюша, познакомь уже меня со своим мужем...

Они выпили: Серафима сделала глоток вина, Оё залпом, по-русски, опрокинул в себя стакан томатного сока и картинно, смешно поморщился, словно в бокале был спирт, а Варя подняла банку с тоником, чокнулась ею и вернула на стол.

– Это не мой муж, – сказала Варя. – Это добрый человек. А кто мой муж, то есть отец ребенка, я не знаю.

И она расплакалась с новой силой.

Постепенно выяснилось не все, но почти все: и про то, что Варя теперь без документов, а официально вроде как умерла, и что ничего не помнит толком, особенно последние годы своей жизни, и что с беременностью что-то не то, и...

В общем, вечер окончился тем, что Серафима никуда в восемь часов не пошла, а забрала Варю к себе и начала принимать меры – звонить знакомым юристам, психологам и так далее. Всю Камчатку на уши поставила. Оё сидел с ними полночи, а потом все-таки уехал спать в отель.

Спустя две недели Варя с новыми документами и Оё со старыми прощались с Серафимой Григорьевной в маленьком аэропорту Петропавловска-Камчатского. Живота у Вари еще не было видно – во всяком случае, под теплой новой курткой.

Глава 5

Добряки и дороги

- Фух! Получилось!
- Получилось. Фух. Где это мы?
- А я знаю? Наверное, на втором уровне.
- Ну да... Наверное... – Дюшка принялся озиаться.

Сокращалка, созданная с помощью мутонити Ризенгри, выбросила их в чистое поле. Поле было не слишком большое, но, правда, чистое: урожай только что собран. Кучки плодов, похожих на мотки шерсти грязно-бежевого цвета с яркими оранжевыми прожилками, лежали аккуратно, рядочками. Поле располагалось на холме – таком ярко выраженном холме, какие часто рисуют в мультиках, круглом и аккуратном. Местность до самого горизонта была холмистая. Там-сям виднелись ярко раскрашенные домики, тоже подчеркнuto аккуратно, квадратные, стоящие ровно на макушках холмов. Каждый домик был обсажен кустиками и окружен: какой – каменным заборчиком, какой – плетеной изгородью. В целом смотрелось красиво, пасторально. «Вот только чокнутых игроков со своими пушками и бомбинами тут не хватало!» – подумал Дюшка. Но игроков видно не было. Впрочем, пока на второй уровень перешли всего трое, если не считать выбывших из игры Нию и Тафика. Вот бы найти их поскорее – и назад, на Пи!

Дюшка встал с земли, отряхнулся, хотя отряхивать было нечего: ботва, на которую они так удачно приземлились, оказалась плотная и сухая. Это было странно, поскольку воздух был холодный и влажный, при каждом слове изо рта вырывался пар.

Один моток-плод, тот, который оказался поближе к Дюшкиной ноге, вдруг вздрогнул и осторожно высунул оранжевую прожилку, оказавшуюся усиком.

«Что это? Ты такое видел?» – спросил Дюшка, отодвигая на всякий случай ногу.

Но Кирилл его не услышал. Кирилл пристально вглядывался в землю. Потом сказал:

– Мы, кажется, больше не Мебби Клейн. Я тебя больше не слышу и не чувствую. Я больше не мутангел.

– Я тоже тебя не слышу, – кивнул Дюшка. – Мы теперь поодиночке. Но с чего ты решил, что ты больше не мутангел?

– Так я не вижу вглубь. И нитей у меня нет. Вот... – Кир выразительно помахал руками, потряс кистями.

– У тебя на левой руке браслет есть, – сообщил Дюшка. – Черный. Три оборота. И от него что-то вроде нитей, но не нити, скорее подвески.

– Ты точно видишь браслет? – недоверчиво переспросил Кир, продолжая вертеть перед носом Ключкина кистью.

– Точно. Причем он не очень глубоко. Отлично просматривается, как стрелочки навигаторов на улице, даже лучше.

Плод, похожий на моток шерсти, между тем решил покинуть своих собратьев, выпростал еще один усик и пополз к Дюшкиной ноге.

– Отойди от хряшки, а то сейчас все на тебя полезут, – вздохнул Кирилл, поднимаясь на ноги.

– Хряшки? – удивился Дюшка, наблюдая за сложными, неуклюжими телодвижениями мотка шерсти. – А откуда ты зн...

– Живу я тут! – буркнул Кир. – То есть жил.

Он нагнулся, поднял моток двумя пальцами, оборвал оранжевые усики и кинул беглеца-неудачника обратно к своим собратьям.

– Пошли, что ли! Не торчать же тут. Рюкзак не забудь. – Кир подхватил свой собственный рюкзак и потопал вниз по склону холма. – Не ссы, все будет тип-топ, я тут принц, если что. Хотя меня и много лет не было, не суть. Принц – он у нас навсегда принц. Правила не меняются. Добро пожаловать на Землю-13! Никогда не думал, что вернусь...

Кирилл прошел метров пять, обернулся. Ключкин стоял на прежнем месте и пялился в небо. А к его ногам уже бодро ползли сразу несколько хряхов.

– Ты чего, не веришь, что это Земля-13? – усмехнулся Кир. – Не веришь, что я принц? Пошли, сейчас убедишься.

– Верю, верю, – крикнул Дюшка, не отрывая взгляда от неба. – Слушай, там Сэмм и Мадя застряли. Нам надо их как-то... Сделать надо что-то...

Кир с сомнением глянул в абсолютно пустое небо – ровный слой матовых сереньких облаков без единого просвета – и тихо выругался. Потом крикнул:

– И чем я тебе помогу, суслик тебя дери? Я больше не мутангел, ты еще не понял? Спасибо скажи, что принц, а не хрюхосад или прочий простолюдин!.. И вообще, на кой ляд ты протащил с собой на второй уровень два трупя?!

«Я случайно!» – хотел признаться Дюшка, но очередное упоминание Кира о том, что он принц, раздражало и не располагало к откровенности. Ну принц, и что? Повезло с родителями. И потом. Как можно называть Мадю и Сэмма трупами? И зачем? Зачем вообще Ризи выбрал для второго уровня именно эту планету?! Стоп. Но Ризенгри вроде бы выбрал не эту, а... Дюшка немедленно сверился со своим компом. Комп остался в непостроенной одноразовой сокращалке, рядом с Мадей и Сэммом, но Андрей мог посмотреть на эту глубину, у него хватило мутангельских способностей. Информация была проста и однозначна: первый уровень «Маленьких каникул» – Ржавая, второй уровень – Хрустальная.

Диди. На самом деле у планет были сложные номера, точные многомерные координаты, Андрей Ключкин увидел именно такую информацию. Ржавая и Хрустальная – так их называли только мутангелы.

– Они не трупы, – сдерживая эмоции, ответил Дюшка. – Я могу их восстановить, в моей допамяти для этого достаточно информации. Только инструменты нужны и операционная. Мы не в силах вернуть их на Пи, они больше не мутангелы. Но они смогут пожить еще тут, на Земле-13, сколько получится... До старости...

Кирилл подумал мимоходом о том, что он теперь тоже не мутангел, значит... Значит, он теперь тоже... до старости?

– Я постараюсь быстро. Взлечу на ранце... – Дюшка приготовился взлетать.

– Андрей, стой! Давай не сейчас и не так, – решительно прервал его приготовления Кир. – Ты не в курсе местных обычаев. Твои трупы могут подождать счастливого спасения до вечера? Вечер наступит часов через тридцать. Мы должны все сделать с помпой. Иначе нельзя. Я тебе еще не все сказал. Я не только принц, я еще этот...

Кирилл замялся.

– Ну?

– Ну, я еще теперь как бы великий маг.

– Чо-о-о?! И-и-и?!

– Ничо. Пошли. По дороге все объясню. В любом случае надо сперва операционную готовить.

Дюшка вздохнул: да, действительно, сейчас Мадю с Сэммом глупо сюда тащить. Они только окончательно умрут.

– Ладно, пошли.

– Ты мне только ответь, ты видишь тут следы Нии?

Дюшка отрицательно помотал головой.

– А Тафика?

Дюшка опять мотнул головой.

– Но Ризи-то тут? – с надеждой спросил Кирилл. – Я больше не мусорщик, значит, я могу с ним поговорить, и... И он скажет... И мы спасем Нию и...

Он хотел прибавить: «...и ты вернешь нас на Пи». Передумал, открыл было рот, чтобы произнести: «...и ты вернешь ее на Пи», передумал еще раз и, царственно кивнув, выдал:

– И вы вернетесь на Пи.

Дюшка наконец поднял свой рюкзак, надел его поверх реактивного ранца (конструкции обоих устройств предполагали такой способ размещения). И сказал:

– Кир, у меня для тебя три плохие новости и одна относительно хорошая. Начну с плохих. Мы не на втором уровне игры. Ризи и других игроков тут нет и не было. Хотя у тебя на руке браслет, ты на самом деле больше не мутангел, я присмотрелся. Извини.

– Тебе не за что извиняться! – Кирилл держался с достоинством и бровью не повел. – А браслет, он...

– Он есть, в допизмерениях, – подтвердил Дюшка. – Но он как бы... как бы сувенир, что ли. Просто браслет. Типа кожаного. Подвески металлические, со стеклянными вставками. Украшение.

– Хм. – Кирилл позволил себе сдержанно усмехнуться и пошутить: – К чему мне украшение, я и так красавец! Пошли. Запоминай. Встретим кого по дороге – не здоровайся, не кивай и держи себя с достоинством, как равный мне. Ты – мой друг, а дружить я могу только с принцами.

Дюшка презрительно фыркнул. Кир только руками развел:

– Послушай, я и сам считаю, что это дикость. Потому и стал мутангелом. Не выдержал. Давай вниз.

– Ого. Что это?

– Обычная сельская дорога... Хи-хи. Ты что, думал, у нас отсталая планета? Да ща-а-аз. Все нормально. Давай сюда.

– Ничего себе «обычная сельская дорога»! – обалдел Дюшка. – У нас на Земле-11 такое разве что в крутых супермаркетах, и то не... Ух!

Итак, дороги. Они были эпичненькие. Во-первых, они располагались строго в низинах. Во-вторых, они окружали каждый холм и соединялись строго симметрично. В-третьих, они были... Двухэтажные!

– Трехэтажные! – похвастался Кир. – И еще подвальная часть – канава. Потому что, сам понимаешь, то дождь, то снег тает, то какой хрях сбежит... Первый уровень – зимний. Он отапливается и освещается. Но пока он закрыт, до первого снега. Второй – крытый, он прямо под нами сейчас. Мы его называем ночной, хотя днем, в дождь, им тоже все пользуются. Или, наоборот, если охота от жары спрятаться. Ну и третий – вот такой, мы по нему идем... Каменная мостовая, с обеих сторон – защитная кладка, чтобы не упасть случайно. Тут она невысокая, но есть места, где она и полтора метра!

Диди. Третий уровень стандартных сельских дорог Земли-13 представить совсем несложно. Достаточно вспомнить какой-нибудь типичный средневековый замок Земли-12, верхнюю часть его стен – ту, по которой можно было ходить и с которой в случае надобности лили горячую смолу на головы врагов.

Они шли кругами, хотя им надо было, как объяснил Кир, «вон туда, если по прямой, то с пару километров, не больше». Но прямого пути не было – только огибая холмы с полями.

«Какие идиоты это проектировали!» – думал Дюшка.

– У нас вообще-то много разных достижений, – продолжал между тем Кир. – Но главное это, конечно, добряки и дороги.

– С дорогами мне уже понятно, – вздохнул Дюшка, вытирая пот со лба (тащить ранец и рюкзак было тяжело). – А добряки это кто?

– Это все! – радостно сообщил Кирилл. – Буквально все жители! Ну... за редким исключением. Бывают больные, например. Они не добрые, а слегка злые. Но их мало. В основном все жутко добрые. За нашей планетой даже ангелы не следят!

Клюшкин кивнул, хотя он сильно сомневался в том, что ангелы не станут совать нос хоть куда-нибудь, куда его в принципе можно сунуть.

Остальной путь до далекого «вон туда» прошел почти в молчании: оба напарника, не сговариваясь, вернулись мыслями к Ниоко и Тафику. И только когда до большой квадратной башни осталось метров сто, Кир очнулся и заговорил, впрочем, не сбавляя шага:

– Инструкции. Слушай и запоминай. Их немного. Всего три. Первое правило. Ты мой гость и равный мне. Значит, ты можешь никого не замечать, никому не отвечать, никому не помогать и вообще. Держи нос кверху, губы сжатыми. Тогда все поймут, что ты знаешь себе цену. Второе. Твой цвет будет синий. Почему – долго объяснять, потом расскажу. Словом, всегда выбирай все синее: одежду, посуду, книги...

– В смысле – книги? Какие еще книги?

– Да любые, если приспичит почитать. Бери с синей обложкой.

– Кир, стой!

Кирилл остановился:

– Что такое?

– Кир, я не собираюсь читать книжки. Мне плевать, синюю тарелку брать или вообще никакую не брать. Мы должны немедленно вернуться. Соорудить походную операционную. Попробовать восстановить Мадю и Сэмма. Потом пройти по сокращалке обратно. Найти Ризи или кого-то еще. Найти Нию!!!

Последнее он почти прокричал.

Кирилл быстро огляделся – к счастью, вокруг никого не было.

– Орать нельзя, – строго сказал Кир. – Никогда. Это было третье правило, которое я не успел тебе сказать. Извини. Запомнил? Всех игнорить. Выбирать синее. Никогда не повышать голос.

– Да мне пле...

Кирилл проворно метнулся к Дюшке и решительно зажал ему рот руками – сразу обеими.

– Послушай меня. Я больше не мутангел, Андрей. Мне придется остаться тут. Но я сделаю все, чтобы ты смог пройти обратно и... И найти Нию, и жить с ней вечно и счастливо, и всякое такое. Только сейчас слушайся меня – недолго, договорились?

Дюшка хмурился и недовольно мотал головой, пытаясь освободиться. Наконец Кирилл ослабил хватку.

– Тьфу! У тебя лапы в земле, между прочим! И где ты ее нашел?!.. Хорошо, и долго мне тебя надо слушаться?

– До вечера. Вечер наступит примерно через тридцать часов. Потом мы...

– Ты еще час назад говорил, что через тридцать!

– Ну я же примерно... Пошли во дворец.

– Вот эта кубическая коробка – дворец?!

Строго говоря, башня, она же дворец, она же – родной дом принца Кирилла, больше напоминала не одну, а три кубические коробки, поставленные друг на дружку: самая большая внизу, самая маленькая вверху. Окна тоже были квадратные, без архитектурных изысков, по одному на каждой стороне каждой «коробки». Единственным их достоинством был размер: кинг сайз.

Настроение у Кирилла упало до нулевой отметки: даже не возникло желания двинуть Ключкина кулаком в челюсть за «вот эту коробку».

– На всякий случай держи ранец наготове, чтобы взлететь, – предупредил Кирилл. – Меня не было много лет. Мало ли. Правила не должны были измениться, но кто знает...

– Много лет?! Мы же с тобой почти ровесники!

– Биологически – да. Но ты по следу Лещи быстро прошел. А я в подвешенном состоянии находился довольно долго, прежде чем меня на Пи выбросило. Мне-то показалось, что недолго, ну день, может, или два. А на деле... Думаю, лет десять.

Трехэтажная дорога вывела их к белой башне – родному дому Кирилла. Башня, как и все домики в округе, стояла на вершине холма. Она ничем не была окружена, смотрелась одиноко и совсем не величественно.

– Тут я один живу. То есть жил. То есть буду жить, – пояснил Кир. – Конюшни с драконами – вон на том гейсе, залы для соннов – вон там, отсюда не видно, а два гейса справа, на них...

«Гейсы – это холмы, – догадался Дюшка. – Сонны – непонятно что, а...»

– На Земле-13 есть драконы? – удивился он вслух. – Я не знал. Я думал, их на Пи вывели. У Нии был как бы свой дракон, не свой, но она на нем летала, ей Янанна когда-то устроила такой сюрприз. Ты тоже умеешь летать на драконах?

– Да, – сказал Кир. – И плавать тоже.

– В смысле – плавать?

– Ну так большинство драконов – животные воздушно-водные. Научиться летать на них не очень сложно, а вот плавать... Он, сволочуга, нырнул и понесся себе под водой. А ты попробуй удержись, не нахлебайся, да еще его подними наверх вовремя! Не будь я принцем, нипочем бы не стал учиться на них ездить. Но положение обязывало. Так, приготовься, сейчас начнется...

Кир подошел к огромной двери в башне.

– Что начнется?

– Восторги по поводу моего магического и весьма неожиданного возвращения, я полагаю. И он дотронулся до двери.

– Слушай, а чо двери такие гигантские?

– Так мне ж в них на драконе влетать!

– А ка...

Но... Но тут началось, и договорить Дюшка не успел.

Не прошло и десяти секунд с момента, когда Кир приложил ладонь к поверхности огромнейшей двери, как часть отполированного до зеркального блеска деревянного покрытия волшебным образом засветилась. А еще спустя пять секунд Дюшка понял: ничего волшебного, это обычный экран. Устарелой конструкции, кажется, на жидких кристаллах. Он попробовал посмотреть глубже, по-мутангельски, но глубже ничего не было, пространство Земли-13 было грустно-трехмерным.

Диди. Все пространства со свернутыми дополнительными измерениями кажутся трехмерными и являются такими до тех пор, пока свернутые размерности остаются свернутыми. Самый простой способ их развернуть – изменить постоянную Планка (постоянную Шланка). Однако это не лучший способ, поскольку при его реализации сложно контролировать граничные условия.

Итак, часть двери превратилась в экран. И на экране проявилось лицо мужчины – одутловатое, красно-зеленое (впрочем, цвет мог быть следствием освещения его каморки). Кир убрал ладонь.

Одутловатое лицо с изумлением и недоверием осматривало Кирилла и Андрея несколько секунд, потом просветлело, улыбнулось, разрыдалось от счастья и радостно зачирикало:

– Чырк! Чыркн! Выи-и-ии-тии-вьчии! Чирк! Чирк! Уи-и-и!

Дюшка в первый момент опешил, но, покопавшись в своей дополнительной памяти, обнаружил, что обладает знанием некоторых языков Земли-13 и, в частности, этого. Рыдающее лицо на экране продолжало чирикать. Дюшка вслушался.

– Принц Кирир Элл вернулся! – вопило лицо. – Мой любимый принц Кирир! Принц Кирир Элл! О счастье нам, о благая весть, о радость! О, возвещаю об этом всем!

– Я люблю тебя, Маорко! – вежливо улыбнулся в ответ Кир. – Я люблю всех вас и потому вернулся, не изменившись, вернулся, став великим магом, вернулся к своему народу!

«Тусец, суслик, црень какая-то!» – скривился Дюшка. Все это было... противно.

– О, великий принц Кирир Элл, ставший магом, не постаревший ни на день за пятьдесят пять лет, любит нас, любит меня! Чирк! Чирк! – Маорко возрыдал с новой силой, впрочем, ему удалось взять себя в руки и деловито сообщить: – Прошу прощения, мне придется очертить экран, чтобы передать всем долгожданную новость. Мы постараемся начать праздник как можно быстрее! Как можно быстрее!

Экран потух.

Двери распахнулись – без скрипа, но со странным высоким «комариным» звуком, никак не соответствующим их размерчику.

– Пятьдесят пять лет, с ума сойти, – пробормотал Кир, вступая на территорию башни. – Мы с Маорко вместе учились, он младше меня на три дня. Он был умнее меня и лучше почти во всех отношениях. Жаль, парню не повезло с внешностью, сразу было ясно, что не быть ему принцем... Как тут пыльно!

Дюшка вошел следом.

– А принцами разве не рождаются? – спросил он, озираясь.

Вокруг было не так уж пыльно, довольно светло и довольно просторно (дракон средних размеров спокойно мог бы разместиться с комфортом).

– Нет, у нас не рождаются принцами, – покачал головой Кир, пересекая внутренний двор и направляясь к некой наклонной штуковине, вроде крутого въезда на галереи второго этажа, расположенные по внутреннему периметру башни. – Это слишком неразумно. Дети рождаются разными, а принцами и королями должны становиться лучшие из лучших. По возможности – безупречные.

«Тьфу ты!» – мысленно сплюнул Дюшка, глядя на то, с каким изяществом, уверенностью и легкостью «повозможностибезупречный» Кир взбегает по крутому въезду на галереи.

– Давай за мной! Нам надо успеть приготовить для тебя трон.

– Я обойдусь без трона! – фыркнул Дюшка.

– Ты – да, но мой народ – нет, – отрезал Кир. – Я понимаю, что тебе все это крайне неприятно, но я прошу тебя потерпеть. Мы должны подготовить идеальную операционную, и вообще... Так, у нас первые гости. В километре, бегут сюда, скоро будут. Помни: первое – с достоинством, второе – выбираешь синее, третье – кричать нельзя. Понял?

– Да понял я, понял, суслик тебя дери! – разозлился Ключкин. – Зачем ты нас сюда проташил?!

– Я случайно...

Дюшка стал подниматься к галереям, но внезапно понял, что не может. Поверхность оказалась словно маслом смазанная. Ноги скользили. Ну никак!

– С разбегу давай! – подсказал Кир.

С разбегу удалось только до середины.

– А лестница рядом с этим аттракционом не предусмотрена? – крикнул Дюшка.

– Не кричи, я тебя умоляю, правда, умоляю! – зашипел Кир (злости или раздражения в его шипении не было). – Понимаешь, это специально! Чтобы подняться могли только самые достойные, самые настойчивые и те, кому очень надо.

– Мне не надо.

– Тебе не надо спасти Нию... – разочарованно проговорил Кир. – Я так и думал, но...

– Ухххх! – Ключкин взбеленился до такой степени, что в один миг взлетел вверх, сам не зная как.

Его прекрасное вознесение лицезрели первые прибывшие, их оказалось немало, человек пятнадцать, – все разразились бурными аплодисментами. Дюшка глянул вниз и решил не бить Кира прямо сейчас.

Принц Кирр Элл широко улыбнулся (мимо Дюшки, даже не глянул в его сторону), широко раздвинул руки в стороны (словно желая обнять всех разом) и сделал широкий шаг к скользкому подъему. Глаза его заблестели от слез, губы дрогнули... впрочем, все это выглядело очень «достойно».

«Точно набью ему морду, отделаю под орех, как только все разойдутся!» – подумал Дюшка.

Гости один за другим стали взбегать на второй этаж. Надо сказать, это удалось почти всем, а некоторым даже с первого раза.

«Это потому, что они все молодые и здоровые! – догадался Ключкин. – А вот как сюда этот Марк заберется, Маорк или как его там?»

Добравшись до обожаемого принца, парни (их было большинство) падали ниц и начинали кататься по полу, словно бесноватые, чирикавая и стуча кулаками и пятками. Один от радости прыгал на спине, причем на довольно значительную высоту, словно между лопаток у него была пружинка. Девушки (их было всего, кажется, четыре) вели себя несколько иначе: они с рыданиями опускались на колени, простирая руки в сторону любимчика, затем поднимались, но только для того, чтобы тут же пасть вновь.

Все чирикало так, что стоял невероятный гвалт, Кир тихонько чирикал в ответ, нежно обнимал девушек – в те моменты, когда они вставали, – и, кажется, был вполне счастлив.

«Суслик! Суслик!!! Что я делаю в этом курятнике?!» – думал Дюшка, ему хотелось орать и убивать всех.

Чтобы не орать и не убивать, Дюшка стал отвлекать себя. Принялся рассматривать наряды. Парни были одеты не слишком интересно: в основном все в объемных штанах с многочисленными складками, собранными на кожаные манжеты повыше лодыжек и под кожаные ремни чуть ниже пояса, чуть выше бедер. Только у двух были брюки в обтяжку. Сверху на всех – куртки, которые, вероятно, надевались через голову, ибо застежек видно не было. В общем, ничего особенного. Но вот девушки! Девушки – это да.

Одежда трех девиц состояла из ярких лент, свисающих с многочисленных «ошейников» (так окрестил их Дюшка), охватывающих их тела в самых неожиданных местах. Одна девушка, с длинными зелено-оранжевыми волосищами, окольцевала себя ошейниками крест-накрест дичайшим образом, зато ленты подобрала в одной цветовой гамме. Две другие окольцевались горизонтально, но ленты у них были слишком пестрых, попугайских расцветок. Что касается четвертой (Дюшка так и не понял, девушка это или парень, но решил, что все-таки девчонка), то на ней были широкие мужские штаны, пестрая кофта, а ленты – только с шеи.

Спокойно рассматривать наряды пришлось недолго. Как только в башню с чириканьем ввалилась вторая порция верноподданных, принц Кирр Элл счел нужным взметнуть вверх обе руки, словно собирается сдаваться, и в немедленно наступившей тишине произнести громко и внятно:

– Друзья! Я прибыл не один. У нас в гостях – великий маг Анн Дрей! Он также принц, принц из... другого мира...

Вздых восхищенного чирика пронесся по дворику и галерее при упоминании о другом мире.

«Ему надо диктором работать! Ведущим всяких шоу! Клоуном!» – покачал головой Дюшка.

– Анн Дрей не простой принц. Он... синий принц! – произнес далее Кир и слегка склонил голову, выражая почтение гостю.

Синий принц Анн Дрей позеленел от злости, мысленно выругался, но тут же дал себе слово не лезть со своим уставом в чужой монастырь. Потом сдержанно улыбнулся и едва заметно также склонил голову, обращаясь к Кирр Эллу.

Глава 6

Что случилось с океаном

Для перехода на третий уровень их должно было остаться десять, но осталось трое: Эля, Ризи и Дима.

Строго говоря, в правилах было указано четко: «десять или меньшее количество». А про то, куда девать павших, вообще ничего не говорилось. Поэтому, убив практически всех и переместив их тела на Ржавую, Ризи ничегошеньки не нарушил и не заработал ни единого штрафного балла.

Баллы они с Элькой разделили поровну, причем на этот раз Элька не стреляла, а рубила. С плеча. Вы рубили головы с плеч когда-нибудь? Нет? А любимым? Вообще совсем нет? А представить себе эту душераздирающую картину можете?

Эля сначала отказывалась.

– Вдруг я тебя совсем убью? – говорила она. – Одно дело пулю в печень, другое – башку долой! Вдруг что...

– Никаких «вдруг» не будет! – уверял ее Ризенгри. – Ну сама подумай, как я могу умереть от того, что моя голова недолго побудет отдельно от тела? Ну как?

– Нет, я все-таки не рискну.

– Давай, не тормози! – подбадривал ее Риз. – Когда еще такая возможность представится! Если бы обычный был меч, я бы не настаивал... Но элифианский! Единственный во всех мирах!

В конце концов Элька дала себя уговорить и попробовала. Не сказать, чтобы ей понравился сам процесс, но новый опыт она приобрела однозначно!

Диди. Ризи был прав. Элифианский меч существует в единственном экземпляре. И даже в игре опция обладания этим оружием оговорена отдельным пунктом.

Короче говоря, ситуация на данный момент была такая. Ризи и Эля, разделив все баллы всех игроков, являлись двумя абсолютными лидерами. Диме Чахлыку Ризенгри оставил формальное количество баллов, позволяющее просуществовать примерно три дня. Если быть точными, у Димы было ровно сто баллов.

Диди. Почему три дня? Следует вспомнить новое правило, которое было введено в игру (или ввелось само) при старте. Согласно этому новшеству, на последних этапах игры происходило следующее: если за день никто никого не убивал, с каждого оставшегося игрока снимали тридцать баллов. Это было не много и на первый взгляд не ощутимо, так как в конце игры у всех были тысячи и сотни тысяч баллов. Однако это позволяло избежать бесконечного перераспределения баллов и перекидывания их от одного игрока к другому. Даже если бы последние игроки попрытались по углам, их баллы бы таяли, и игра в конце концов окончилась.

Эля предложила Ризи дать Диме побольше баллов, но Ризи отказался наотрез. Он сделал следующее. Оставил Диме только одно оружие, но очень необычное, под названием «удаленный вирус». Оно действовало так: каждый день выпускало ровно столько виртуальных вирусов, сколько противников осталось в игре, и поражало их, собирая с каждого по пятнадцать баллов, как бы далеко они ни находились.

– Хитро придумано, – усмехнулся Дима, когда Ризи проделал все это, освободил его из ледяного заточения и поставил перед фактом. – Таким образом, никого из вас не убивая, я

буду постоянно обладать сотней баллов. И буду коротать дни на таком коротком поводке на Земле-12. Мы все трое будем жить максимально долго, сколько позволит игра и наши баллы.

– А потом мусорщики Дюшка и Кир найдут способ вернуть нас на Пи... – Элина нисколько не была уверена в том, что все так и будет, поэтому ее реплика прозвучала неубедительно.

Но Дима не стал возражать:

– Да, все может быть... Чтобы вернуться, вам нужен хотя бы один ангел, я знаю. Потому вы меня и не уколошили... У меня есть только одна просьба, – продолжил Дима. – Передайте Дюшке – если вдруг я сам не смогу, – чтобы он не держал меня на полке под пуловерами, когда я опять превращусь в куклу. Знаете, лежать месяцами неподвижно – то еще удовольствие, а уткнувшись при этом мордой в свитер – вообще грустняк. Пусть хоть на полку в гостиной посадит, что ли! Мы, куклы, можем видеть и слышать.

Эля и Ризи переглянулись, и Ризи сказал:

– Я надеюсь решить проблему возвращения нас с Элей на Пи другим способом... А ты сможешь опять быть ангелом.

– Кстати, да. Видимо, вам придется искать иной способ. Забыл предупредить. Я больше не ангел.

Эля и Ризи опять переглянулись.

– Я убивал, – пояснил Дима.

– Ах-ах! – картинно всплеснул руками Ризи, превратив на мгновение кисти в фейерверки. – Когда это мешало ангелам оставаться ангелами? Ты ни с кем себя не путаешь?

– Если ты имеешь в виду Землю-11... – начал Дима.

– Он имеет в виду мутангелов, – резко прервала его Эля. – Мы можем прерывать чужую жизнь только по личной просьбе того, кто сам хочет умереть, причем при этом должны быть выполнены кучи условий. Например, тот, кто просит, должен быть разумным, и не просто разумным, а...

Этот разговор мог затянуться надолго и перерасти в очередной дурацкий псевдофилософский спор – такой, когда каждая сторона неизменно остается при своем мнении. Но он оборвался. Вместо дальнейшего выяснения отношений Дима сказал:

– Держи. – И протянул Ризу инфошарик. – Сумеешь открыть?

– Наверное. Дюшка мне показывал...

– Только открывай не тут, а когда доберешься до Океана, – добавил Дима. – Ты же собираешься туда, если я все правильно понимаю?

Ризенгри кивнул.

Пологие ступени спускались к самой кромке снежно-бирюзового океана. Он был наполнен умиротворением и нежностью – до краев, до берегов, до глубины, до горизонта. Призрачные волны, и даже не волны, а невесомые ажурные намеки на призраки волн, молочным кружевом застыли над ленивым сиянием почти неподвижной поверхности воды. Волны-привидения словно существовали независимо от океана и побережья, будто даже не в этой реальности, как чудо, как диво, как помешательство. Если нарисовать их в фотопшопе отдельным слоем, самой тонкой кисточкой, а слой сделать почти прозрачным, а нижний слой, с водой и берегом, насыщенным и максимально густым, – вот тогда и получится картина, которая открылась Элине Нарциссовой и Ризенгри Шортэндлону.

Они стояли на самой верхней ступени Сада Погибшего Ангела, сада на берегу самого невероятного во всей вселенной Океана, в котором когда-то рассыпалась на кусочки-искорки юная Дженифер, а вслед за ней ангел-эксперт Старк.

– Штиль, – сказал Ризи. – Это хорошо.

Эля кивнула. Она не знала такого слова – «штиль», – но они с Ризи все еще оставались Мебби Клейном (с общим сознанием и общей памятью), хотя и не на полную катушку. Поэтому она и не знала, и знала.

Диди. Вы помните? Это важно! Мутангелы-инфилоперы в состоянии Мебби Клейн говорят: «Мы связаны на полную катушку», если их соединяют прочные семь нитей: Пи, Дельта, Альфа, Фи, Дзета, Пси и Сампи. Кроме того, может быть и любая другая связь, есть много разновидностей мутонитей.

Эля и Ризи были Мебби Клейном только отчасти, их связывало несколько нитей. Крепкие: изумрудная Пси и черная персональная нить Ризи. Слабые и непрочные: зеленая Пи и желтая Дзета. И совсем еле заметные алая Альфа, фиолетовая Фи, а также другие нити – едва намечающиеся. Огненной Сампи среди них не было.

Ризенгри достал из кармана драгоценность: инфо-шар, который передал ему Дима Чахлык. Дима передал, а Дюшка рассказал, как его развернуть. У них должно было получиться! – У нас получится! – прошептала Элина.

Ризи положил шарик на ладонь и вытянул руку. Ангелы обычно просто подбрасывают шары в воздух, слегка подкрутив. Но Дюшка объяснил, что так делать не стоит, так как в шаре содержится огромное количество информации, вариантов подкручивания великое множество, и если неправильно подкрутить, неизвестно, сколько на тебя разом выплеснется новостей. Супермутанту Ризу было решительно плевать на то, сколько чего на него выплеснется. А вот Элина могла не выдержать.

Если же подержать шарик на ладони и покачать так, чтобы он начал вибрировать, шар выдаст что-то вроде фильма. В любом месте его можно остановить, увеличить картинку, повернуть под новым ракурсом и так далее.

Нужную вибрацию удалось получить не сразу, Ризи минут десять мучился, причем его очень отвлекали мысли Элины.

«Ой, не выйдет! – думала-паниковала она. – Ой, шар битый, негодный, испорченный! И спросить не у кого!!!»

Ее так трясло от нервного напряжения, что Ризи был вынужден взять свою подружку за руку. И как только их пальцы коснулись друг друга, инфошар вздрогнул.

– Опаньки! – воскликнул Ризи. – Ну-ка, ну-ка давай вторую ладошку...

– Йййй-я? Мммм-мою ладошшш? Кккккому дать?

Ризи аккуратно переложил шарик на трясущуюся Элькину ладонь, а свою расположил ниже, для страховки.

– Я ннне ммммоггг... Ой! Смотри!!!

Смотреть было на что: шарик дернулся раз, два и на третий рывок выдал ребятам картинку. На картинке были знакомые ступени к Океану, но вот вместо молочно-бирюзовой водной глади около нижней ступеньки темнел буро-коричневый песок. И гигантская страшная волна нависала над ним.

– Цунами! – констатировал Ризи.

Эля не знала такого слова – «цунами», но знала его, потому что его знал Ризи.

Они всмотрелись в картинку, которую показал им инфошар. Волна не двигалась, и все было замершее. Лишь какое-то еле уловимое движение в правом верхнем углу свидетельствовало о том, что перед ними не статичное изображение, а видео.

Дюшка в общих чертах объяснил Ризу, как останавливать кадр и что вообще можно делать. Но советовал при первом просмотре ничего не трогать. О'кей, Ризи и Элька не стали трогать. Вскоре инфошар сам приблизил то, что шевелилось в правом верхнем углу.

– Это Джен! – сказал Ризи.

«Все получилось, но лучше бы не получалось!» – подумала Элина.

– Не думай глупости, пожалуйста! – нахмурился Ризенгри.

Несколько минут спустя Ризи не выдержал, вмешался в видео и прокрутил то, как Джен медленно спускается к берегу, как останавливается возле мертвой белой лошади, как помогает Тэнчику, как ступает по песку.

Эля не могла смотреть, ей было плохо. Но закрывать глаза было бесполезно, их с Ризенгри сознания были прочно переплетены, они по-прежнему были одним существом, Мебби Клейном. А Ризи смотрел во все глаза на то, как спокойно и решительно его сестра входит в почти неподвижную толщу воды. Воды ли?

– Элька, это не вода!

– А чччччтттт...

– Не знаю что. Может, энергия в чистом виде? Нет, так не бывает.

Вскоре с Джен все было окончено. Инфошар подтвердил: войдя в Океан, ангел Дженифер разлетелась-рассыпалась на огромное количество кусочков. Это было необратимо. Ризенгри остановил видео. Стоял, смотрел себе под ноги и молчал. Мысли его неслись с такой скоростью, что Эля не могла в них разобраться.

– Ризи, ммммне... Мне так жаль... Твоя сестра... – Эля кусала губы, готова была расплакаться. – Ее больше нет и...

– И мы делаем вот что, – перебил ее Ризи. – Первое: ты меня расстреливаешь.

– Что-о-о?! Опять? Зачем опять, у меня и так полно баллов!

– Тебе надо перейти на следующий уровень. Оружие Димы, удаленный вирус, я перенастрою так, чтобы баллы снимались с тебя. А я останусь тут.

– Тут? И что ты будешь тут де...

Можно было не спрашивать – Эля уже поняла. Ризенгри Шортэндлонг собирался разрывать все связывающие их мутониты и нырнуть в Океан. Правда, было непонятно, как он это сделает, если Эля его убьет и он перестанет быть игроком... Он же тогда умрет!

– Не умру, – пообещал Риз.

– Я с тобой! – твердо заявила Элина.

Ризи посмотрел ей в глаза и улыбнулся: Эля была абсолютно уверена в том, что они погибнут.

«Не хочу жить без тебя!!!» – мысленно кричала она.

– Я вернусь, – пообещал Ризи. – А вот если ты нырнешь со мной или за мной, и мне тебя...

Он мог не продолжать и не стал продолжать.

– Ризи! – Элька не выдержала, бросилась ему на шею. – Не отпускай, и все! Понял? Понял? Ризи понял.

Они долго стояли обнявшись, не разрывая рук, не разрывая нитей. Элька рыдала, а Ризи тихонько целовал ее в макушку, скользил губами по вискам, гладил по голове, как маленькую, – так Дюшка гладил когда-то своих сестренок, Муську и Алю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.